

ИЗ ПЕРЕПИСКИ ПОСЛЕОКТЯБРЬСКИХ ЛЕТ (1918-1924)

Обзор, публикация и комментарии Н.А. Т р и ф о н о в а

Осмысливая свой жизненный и творческий путь, Брюсов, как известно, резко отделял до-революционный этап его от послереволюционного. Не раз цитировались слова поэта из его предисловия к задуманному изданию собрания сочинений: "...великие события конца 10-х годов, Европейская война и Октябрьская революция, побудили меня в самой основе, в самом корне пересмотреть свое мировоззрение. Переворот 1917 г. был глубочайшим переворотом и для меня лично: по крайней мере я сам вижу себя совершенно иным до этой грани и после нее"¹.

При рассмотрении поэтической или литературно-критической работы Брюсова исследователи с полным основанием выделяют его послереволюционное творчество. Естественно поступить так же и при изучении переписки Брюсова, пытаясь ответить прежде всего на вопрос, как отразилась в ней его жизнь и деятельность последних лет².

Переписка этого периода количественно не очень велика. Брюсов писал в то время гораздо меньше писем, чем прежде, и – главное – его переписка носит теперь почти исключительно деловой характер. В 1924 г. он признается одной из своих корреспонденток: «Вот уже лет 10, как я писем не пишу: только – необходимейшие или “по капризу”» (п. 35).

Ослабление и постепенное исчезновение лирического, исповедального, интимного тона писем Брюсова, вытеснение и замена их письмами деловыми относятся, как правильно отмечено в статье М.Л. Гаспарова, еще к 900-м годам. После революции указанное изменение характера брюсовской переписки становится еще заметнее.

Это объясняется прежде всего чрезвычайной занятостью Брюсова. "...Так уж жизнь сложилась, что писать – времени нет", – читаем мы в его письме к уехавшему за границу поэту А. Куикову³, а К. Чуковскому он сообщает: «"Дела" меня решительно задавливают. Я не владею сам собой, т.е. своим временем»⁴. Или вот еще красноречивое признание: "Из 24 отпущенных на сутки (часов) я занят почти 20" (п. 35). Сыграло свою роль и внедрение в быт телефона, все больше заменявшего письменный вид связи, и прекращение былых контактов со многими прежними друзьями, соратниками и знакомыми.

Брюсов всегда работал много и напряженно. В послеоктябрьские годы его работа была особенно кипучей и многосторонней. "Я чудовищно, неимоверно занят, как не бывал еще никогда – за всю жизнь, заведуя двумя большими учреждениями: Книжной палатой (Московским отделением) и Московским Библиотечным отделением", – сообщает он М.В. Сабашникову 11 сентября 1918 г.⁵

А весной 1923 г. он так характеризует в письме к Куикову свою деятельность: «Сказать о себе? Коротко не скажешь. Официально я – заведую "Художественным образованием" в Наркомпросе, ректор в Лит.-Художест. институте, член Госуд. ученого совета и т.д. Литературно – издал следующие книги: "В такие дни" (еще при Тебе), "Миг" (стихи), "Дали" (стихи), "Кругозор" (избранные стихи), "Лилюли" (Перевод Р. Роллана), поэмы Верхарна (4-е издание), кое-что (мелкое) еще, печатаю полное собр. соч. Пушкина (по новому плану), учебник стиха, новое изд., стихи Эдгара По (полное собрание в моем переводе) и кое-что еще, пишу много статей, особенно в "Печати и революции", в одной из них (обзор русской поэзии за 5 лет) говорил о Тебе и вообще обо всех русских поэтах; об каждом там мое мнение; кое-что печатаю в "Красной нови" и т. под. Пишу вообще очень много...»⁶.

В отдельных письмах первых послеоктябрьских месяцев можно порой заметить еще некоторую растерянность Брюсова перед лицом сложной политической действительности. Так в письме к брату от 26 февраля 1918 г. он упоминает о "хаосе наших событий"⁷. Но вскоре он уже захвачен и увлечен перспективами разнообразного участия в строительстве новой культуры, широко открывшимися перед Брюсовым после его встречи с А.В. Луначарским весной 1918 г.

*Борису Леонидовичу
Пастернаку
автор,
как любимейшему поэту
наших дней,
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ*

В ТАКИЕ ДНИ

Валерий Брюсов

*1921
31 декабря*

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ В. БРЮСОВА

на книгу "В такие дни" (М., 1921):
"Борису Леонидовичу Пастернаку автор, как любимейшему поэту наших дней
Валерий Брюсов 1921 31 декабря"
Собрание Е.Б. Пастернака, Москва

Переписка Брюсова в первую очередь демонстрирует его связи с многочисленными учреждениями и организациями, его многогранную деятельность.

Например, по делам Книжной палаты и Библиотечного отдела Наркомпроса он переписывается с проф. С.А. Венгеровым, зав. отделом печати Моссовета Н.С. Ангарским, зам. наркома просвещения М.Н. Покровским и др. При этом в его письмах, носящих характер служебных записок, отчетливо раскрываются свойственные ему черты: в частности, "умение быстро ориентироваться в делах"⁸, чем Брюсов склонен был даже гордиться, и особенно крайняя добросовестность в исполнении взятых им на себя обязанностей, требовательность к себе и своим сотрудникам. Многие его соображения звучат очень актуально и в наши дни, когда на первый план выдвигаются задачи интенсификации труда. Например, в письме к Ангарскому от 2 апреля 1919 г. мы читаем: "Недостаточно выполнять текущую работу: необходимо улучшить и расширить деятельность учреждения и иметь над его работой постоянное наблюдение"⁹.

Луначарский готов был рассматривать поручение Брюсову библиотечного дела как своего рода синекуру. Но, как показывают письма, сам Брюсов смотрел на это совсем по-другому. В любое дело он вкладывал душу, и когда он убедился, что заведование библиотечным отделом Наркомпроса не позволяет ему "в полной мере" выполнять обязанности по руководству Книжной палатой, то принял решение просить об освобождении от последней должности, хотя ему было очень жаль покидать учреждение, которое всецело было создано им и с которым он не порывал связи в течение двух лет.

Письма свидетельствуют, что с еще большими рвением и ответственностью Брюсов относился к своему преподавательскому делу, особенно в основанном им Высшем Литературно-художественном институте. Очень показательны в этом отношении письмо студентам класса поэзии ВЛХИ от 6 марта 1923 г. Брюсов принял на себя руководство этим классом, но постоянные заседания коллегии Главпрофобра (писатель заведовал там отделом художественного образо-

вания) не позволяли регулярно вести занятия ему самому. Извиняясь в письме перед студентами за свою “вынужденную неаккуратность”, Брюсов обязался впредь руководить классом лично, хотя бы для этого пришлось “свести до последнего minimum’a” работу в Главпрофобре¹⁰.

Брюсов хотел, чтобы его ученики овладели не только поэтической техникой, он придавал чрезвычайное значение и усвоению общественно-политических наук. Об этом лучше всего свидетельствует его письмо от 8 ноября 1922 г., в котором ректор ВЛХИ просил проф. П.С. Когана “немедленно начать (...) курс исторического материализма”. Он даже предпочитал, чтобы Коган временно отложил свой курс “Введение в историю западных литератур”, но прочел “хотя бы несколько лекций по историческому материализму”¹¹.

Некоторые материалы переписки раскрывают отношения Брюсова с издательствами и редакциями. Брюсова приглашали сотрудничать разные издания, но поэт далеко не всегда принимал эти приглашения. Например, в письме от 5 октября 1918 г. поэту-имажинисту В. Шершеневичу он выразил протест против попытки адресата напечатать брюсовские стихи в предполагавшемся журнале “Мир”. Со всей категоричностью Брюсов заявил: «То, что я узнал о журнале “Мир”, в котором Вы предложили мне сотрудничество, показывает мне, что это сотрудничество не может состояться: слишком различны взгляды редакции и тех органов, где я обычно работаю»¹².

Шершеневич имел основание впоследствии констатировать в письме к Брюсову, что они “уже долгое время” стоят “как бы по две стороны баррикад” в искусстве (см. п. 28). Речь шла, очевидно, не только о различии их литературных позиций.

Вряд ли бы Брюсов в середине 1918 г. принял и предложение “Биржевых ведомостей” сотрудничать в этом органе, даже если бы они не прекратили свое существование. Заведующий литературно-критическим отделом этой газеты Аким Волинский обратился к Брюсову с конкретной просьбой написать статью на тему “Атеистичен ли русский народ?”, как бы откликаясь на знаменитое письмо Белинского к Гоголю¹³. Можно не сомневаться, что, если бы Брюсов в 1918 г. и написал такую статью, она бы не соответствовала пожеланиям и вкусам воинствующего представителя идеалистической эстетики.

Но к Брюсову обращались с предложениями и такие издательства и редакции, с которыми он охотно готов был сотрудничать. К их числу принадлежало авторитетное издательство М. и С. Сабашниковых, выпускавшее известную серию “Памятники мировой культуры”. Переписка с владельцем этого издательства свидетельствует, что Брюсов хотел видеть именно в этой серии свой перевод “Энеиды”¹⁴. В переписке Брюсова можно найти данные и о его участии в работе издательства З.И. Гржебина. Он должен был стать редактором литературной части большого сборника, предназначенного для западно-европейских читателей¹⁵.

Гораздо прочнее и органичнее он вошел в работу издательских организаций советского государства – Литературно-издательского отдела Наркомпроса и сменившего его Госиздата, где редактировал Собрание сочинений Пушкина и серию “Народная библиотека”. В письме к одному из издательских работников – М.И. Щелкунову 1 декабря 1918 г. Брюсов бьет тревогу по поводу того, что один из выпусков “Народной библиотеки” набран по старой орфографии, и высказывается за “переложение на новую орфографию”¹⁶.

Из советских периодических изданий Брюсов оказался тесно связан с критико-библиографическим журналом “Печать и революция”. На протяжении трех лет он писал для него статьи, обзоры поэзии и рецензии (см. ниже переписку Брюсова с редактором журнала В.П. Полонским и секретарем редакции Я.З. Черняком).

Что касается других литературно-художественных журналов начала 20-х годов, то у Брюсова с ними не оказалось общего языка. И разъясняя эту ситуацию, он писал Кусикову в начале 1924 г.: «Я абсолютно не в связи с редакциями больших журналов. Мало того, я не очень-то с ними в дружбе... в “Красную новь” я не хожу, а с редакциями других журналов совсем “не знаком”»¹⁷.

В “Красной нови” он поместил всего три стихотворения. Ограниченность этого сотрудничества связана, очевидно, с отказом Воронского напечатать трагедию “Диктатор”, представленную Брюсовым в ноябре 1921 г. Как известно, Воронский так мотивировал в письме к автору свое решение: “Уверен, что трагедия будет истолкована и понята в духе, не желательном для Советской России”¹⁸.

Левовские журналы заняли явно враждебную по отношению к Брюсову позицию. В № 1 “Лева” была напечатана пресловутая статья Б. Арватова о самом значительном пореволюционном сборнике Брюсова “В такие дни” под уничтожающим заголовком “Контрреволюция формы”, в № 2 Г. Винокур не менее сокрушительно характеризовал статью Брюсова “Звукопись Пушкина”, озаглавив свою рецензию “Игра в науку”.

Выпады против Брюсова были и в пролеткультовских и напостовских журналах. Неудиви-

тельно, что именно литераторы напостовской ориентации выступили с протестом против предложения нарком просвещения о награждении Брюсова орденом Трудового Красного Знамени и присвоении ему звания народного поэта республики.

Брюсов имел основание жаловаться Кусикову: «Мои недоброжелатели говорят, что я “полевел”, стал футуристом, а футуристы меня ругательски ругают, говорят, что я совсем “оправел”, стал хуже академика»¹⁹. А в следующем письме Брюсов констатировал: “Увы! Новые стихи во всех возбуждают недоумение. А я знаю, что они в сто раз лучше и значительнее, чем прежние”²⁰.

Таким образом, письма Брюсова помогают лучше понять драматизм положения, в котором оказался поэт и которое охарактеризовано в строках Пастернака о том, что “Брюсова горька широко разбежавшаяся участь”, что “не безделка – улыбаться мучась”, что “почти не снести пережитого слышащихся жалоб”.

Из писем Брюсова советского периода, посвященных его литературной работе, очень существенно письмо от 29 января 1924 г., адресованное редактору “Известий” Ю.М. Стеклову²¹.

Здесь раскрывается страстное стремление Брюсова, несмотря на то что он в дни смерти и похорон Ленина был болен, немедленно отозваться на постигшее страну горе. Мы узнаем также о независимых от поэта обстоятельствах, которые помешали ему опубликовать свои первые отклики на смерть Ленина – “Кантату” и слова к “Реквиему”.

В списке адресатов и корреспондентов позднего Брюсова очень мало имен старых, давних друзей или единомышленников. Можно назвать случайное письмо Бальмонту от 24 января 1918 г., явившееся как бы последним аккордом их многолетней переписки²², или единичное письмо Ф. Сологубу с предложением участвовать в сборнике, объединяющем “всех писателей и ученых, согласных, что должно работать на пользу современной России”²³. Показательно, что именно в письме к своему бывшему другу Бальмонту у Брюсова прорываются прежние лирические нотки: “сочувствую Тебе всей душой, ибо за наши дни, больше чем за всю жизнь, научился понимать горести других”²⁴.

После длительного перерыва пишет Брюсову С. Соловьев (п. 12), которого Брюсов привлекает затем к преподаванию латинского языка в своем институте. В числе дореволюционных литераторов, пытавшихся восстановить прежние связи с Брюсовым, мелькает имя Игоря Северянина (п. 6), который навсегда сохранил признательность к тому, кто назвал его “поэтом в прекрасном, лучшем смысле этого слова” (VI, 444). Незадолго до смерти Брюсова к нему обращается С. Городецкий с просьбой возглавить Всероссийский Союз поэтов²⁵. Как видим, для перечисления этих дореволюционных корреспондентов Брюсова, стремившихся возобновить почтовую связь с ним, хватит, пожалуй, пальцев одной руки.

В послеоктябрьское время Брюсову писали деятели разных видов искусства: режиссер А.Я. Таиров, ставивший в своем театре трагедию Расина “Федра” в переводе Брюсова (п.п. 10 и 18), живописец и график В.В. Кандинский, пытавшийся привлечь поэта к работе в организуемом тогда Инхук’е (Институте художественной культуры)²⁶, сотрудник кинофирмы “Русь” Ф.А. Оцеп, стремившийся заказать Брюсову киносценарий²⁷, и т.д.

Но, разумеется, главными его корреспондентами были представители литературного мира – от поэтов до литературоведов.

В архивном фонде Брюсова находятся письма профессора П.Н. Сакулина (п. 2, 13, 24), вместе с которым он совершил решающий для своей судьбы шаг: явившись весной 1918 г. к нарком просвещения А.В. Луначарскому, предложил свои силы в распоряжение молодой Советской власти. Брюсов и Сакулин выступали как соратники и дальше. Сакулин привлекал Брюсова к участию в издательской деятельности Общества любителей российской словесности, приглашал его для чтения курса новейшей русской литературы в 1 МГУ. Брюсов, в свою очередь, хотел вовлечь Сакулина в наркомпросовскую работу (в Главпрофобре), предлагал ему заведование Литературной студией и т.д.

Брюсов обменивается письмами и с известными литературоведами, бывшими когда-то его соучениками по университету: В.М. Фриче (п. 15 и 27) и П.С. Коганом²⁸, с которым он сотрудничает в Государственном Ученем совете Наркомпроса, в Российской академии художественных наук, в ВЛХИ.

Из Саратова в 1921 г. пишет Брюсову профессор Н.К. Пиксанов. Письмо очень характерно для уяснения того, каким авторитетом пользовался Брюсов среди ученых-литературоведов, и в частности среди пушкинистов. Пиксанов хочет показать Брюсову до печатания свои работы “Пушкинская студия” и «Анализ “Онегина”» (п. 14). Брюсов высоко ценил работу Пиксанова над изучением и изданием “Горя от ума”. Еще в 1912 г. он приглашал Пиксанова принять участие в критическом отделе журнала “Русская мысль”, а десять лет спустя настойчиво просит его “начать профессорствовать” в ВЛХИ (п. 25).

Однако главные эпистолярные связи возникают у послереволюционного Брюсова с современной литературной молодежью, и прежде всего, конечно, с поэтами. К нему тянутся, как и в дореволюционное время, самые разные молодые поэты, считающие его в той или иной мере своим учителем. Среди них мы видим Б. Пастернака, имажинистов Шершеневича и А. Кусикова, поэтесс Н. Павлович и М. Шкапскую и многих других. Вот как выражал свою признательность Брюсову Пастернак²⁹ в одном из писем 1922 г.: “Больше всего я Вам благодарен за то, что, кажется, не подражав Вам – иногда чувствую Брюсова в себе – это тогда, когда я чувствую над собою, за собою и в себе – поэта” (п. 23)³⁰.

Из провинции Брюсову пишет редактор издававшегося в Иваново-Вознесенске альманаха “Начало”, один из той группы, которую Горький рекомендовал Ленину как “настоящих пролетарских поэтов”, – И.И. Жижин. Он просит прислать для альманаха “хотя несколько дорогих для нас строк” (п. 20).

О своей работе по организации петроградского отделения Союза поэтов отчитывается перед Брюсовым, возглавлявшим президиум Всероссийского Союза, молодая поэтесса Надежда Павлович (п. 8).

К Брюсову как редактору временника ЛИТО Наркомпроса “Художественное слово” обращаются и молодые прозаики. Очень интересное письмо, раскрывающее отношение автора к революционной современности, пишет в 1920 г. Борис Пильняк, чей рассказ “При дверях” Брюсов поместил в № 1 своего журнала. Брюсов считал, что Пильняк “обещает быть выдающимся писателем”³¹, но в рецензии на сборник “Быль”³² он отметил как слабую сторону автора отсутствие определенного мировоззрения. В этой оценке отчетливо выявились новые позиции Брюсова-критика.

Некоторые письма литераторов посвящены вопросам перевода, занимавшего столь значительное место в творчестве Брюсова. Отзывы М. Лозинского (см. п. 30) показывают, как высоко ценились знатоками достоинства переводческого труда Брюсова (в данном случае речь идет о переводах из Верхарна и Э. По) и как они посылали на суд ему свои работы в этой области.

В многих дошедших до нас письмах самого Брюсова на литературные темы встречаются характеристики литературной современности, дополняющие или подтверждающие то, что писал Брюсов в своих обзорах. Так, в письме к Кусикову 1923 г. содержатся высокие оценки поэтического творчества Асеева (“он очень вырос как поэт”), Адалис, Герасимова, Казина. Брюсов хорошо понимал значение Маяковского. В 1922 г. он писал, например: “Стихи Маяковского принадлежат к числу прекраснейших явлений пятилетия” (VI, 516–517). Критическая же оценка Маяковского в письме 1923 г. (“Маяковский перешел на шаблон”) объясняется тем, что именно в это время он сосредоточивает свои усилия главным образом на создании агиток, что не встречало одобрения и у ряда других поэтов, например у Пастернака и Тихонова.

Мы сравнительно меньше знаем об отношении Брюсова к советской прозе этих лет и поэтому с интересом находим такое утверждение в упомянутом письме: “Заметно развивается проза, и среди сочинителей рассказов есть выдающиеся” (а дальше упоминается, в частности, группа “Серапионовы братья”)³³.

Из корреспонденции, полученной Брюсовым в те годы, особое внимание, естественно, привлекает десяток писем, подписанных А.В. Луначарским. Известна большая роль, которую сыграл ленинский нарком просвещения в привлечении поэта к работе в Наркомпросе и к участию в создании новой, социалистической культуры, а также в вовлечении его в ряды Коммунистической партии.

Луначарский высоко ценил Брюсова как поэта и человека, посвятил ему несколько статей и охотно сотрудничал с ним в Наркомпросе, сделав его, в частности, своим заместителем по заведованию ЛИТО³⁴. Письма Луначарского Брюсову добавляют еще несколько штрихов для характеристики их взаимоотношений.

Нарком целиком солидаризируется с решением ЛИТО приобрести для переиздания книгу “Все сочиненное Маяковским”, поддерживает желание классика латышской литературы Яна Райниса видеть именно Брюсова переводчиком его драмы “Иосиф и его братья”, отдает на авторитетный суд поэта свои переводы немецких стихотворений, добивается ускорения постановления Совнаркома о назначении Брюсову пожизненной пенсии³⁵.

Особо следует выделить большую группу писем, направленных Брюсову в декабре 1923 г. в связи с его пятидесятилетием. В адрес юбиляра пришло более 120 приветствий и поздравлений, не считая опубликованных в газетах и не присланных в юбилейную комиссию. Это были в основном коллективные приветствия, нередко за сорока и более подписями³⁶. Список этих адресов открывается Грамотой ВЦИК, оглашенной и врученной поэту членом Президиума ВЦИК П.Г. Смидовичем на торжественном заседании в Большом театре 17 декабря 1923 г. А далее следуют обращения от различных государственных учреждений, начиная с Наркомпроса

и Академии наук, от учебных заведений, литературных и художественных организаций, издательств и журналов, театров и отдельных лиц, в том числе из союзных республик и из-за рубежа. В них отдавалась дань уважения поэту, "сумевшему связать свою плодотворную работу с великим делом освобождения трудящихся"³⁷, подчеркивались его энциклопедизм, соединение в его лице первоклассного поэта и талантливого ученого, влияние на современную поэзию, значение как законодателя стиха, наставника и друга поэтической молодежи. Среди посланий, содержащих много общих юбилейных положений, своей конкретностью выделялось, например, письмо профессора В.М. Фриче, который вспоминал университетские годы, студенческий литературный кружок (в частности, мы узнаем, что молодой Брюсов читал доклад о поэме Торквато Тассо "Ринальдо"). Очень эмоциональное письмо прислал К.И. Чуковский, относившийся к Брюсову как к своему учителю: "Ни один писатель не сделал для меня столько, сколько сделали Вы, и я был бы неблагодарнейшим из неблагодарных, если бы в день Вашего юбилея не приветствовал Вас. Не Ваша вина, если я, ученик, не оправдал Ваших усилий, но я никогда не забуду той настойчивой и строгой заботливости, с которой Вы направляли меня на первых шагах" (п. 26).

В переписке последнего года жизни Брюсова стоит отметить несколько необычный для него обмен письмами с безвестной девушкой из города Изюма Харьковской губернии – Ириной Шевцовой (п. 31–36). В этой провинциалке, пишущей стихи, Брюсов почувствовал что-то не совсем заурядное, и это заставило его изменить своему обыкновению не отвечать на подобные письма незнакомых корреспонденток. Сохранившиеся черновики двух писем поэта (их было больше) помогают лучше понять психологический облик пожилого, умудренного годами Брюсова, благожелательного к людям, преодолевшего былые увлечения различными поэтически "безумствами", ценящего прежде всего простую человеческую жизнь.

Из эпистолярных материалов Брюсова, относящихся к последнему периоду его жизни, пожалуй, наиболее значительным по своему идейному содержанию является письмо, адресованное М.А. Суганову, журналисту-очеркисту, с которым поэт познакомился в Варшаве во время первой мировой войны. Брюсов был тогда военным корреспондентом "Русских ведомостей", а Суганов (псевд. М. Стэнк и др.) – газеты "Новь" (Москва) и еще нескольких маленьких газет. По словам Суганова³⁸, Брюсов посвятил ему написанное в новогоднюю ночь 1915 г. стихотворение "Ты спишь, в железной колыбели" (III, 339–340).

В Москве они встречались редко и мимоходом (возможно, в Госиздате и Акцентре Наркомпроса, где работал Суганов), и только в конце декабря 1923 г., после брюсовского юбилея, состоялась их длительная последняя беседа. Суганов, жалуясь на трудности своей жизни, откровенно рассказал о своем желании уехать за границу и "жить где-нибудь как бобер у плотины". Брюсов отговаривал своего собеседника от его намерения, а на другой день послал ему письмо. Оно было воспроизведено Сугановым, все же уехавшим из Советского Союза, в 1928 г., в его воспоминаниях, изданных за рубежом (под псевдонимом: Михаил Талызин). Вот это письмо:

"Дорогой Михаил Архипович!

В дополнение к нашему вчерашнему разговору спешу сказать следующее. Уехать Вам – безумие. В эмиграции с Вашим мироощущением и мышцами впадете в нищету духовную и физическую. Здесь провалы и горизонты, там падения... и ничего. Эмиграция изнашивается, как и мы, но наши смены на славянской земле, а у них на чужой. Еще десятилетие – и у нас не будет общего. Вы говорите: много могил. Но много и легенд. Грядущее перепашет и травой покроет

ПРОГРАММА ЮБИЛЕЙНОГО ЧЕСТВОВАНИЯ
В.Я. БРЮСОВА

Гравюра А.И. Кравченко. 1923
Библиотека СССР им. В.И. Ленина, Москва

могилы, а легенды перепишет и развеет по свету. Бывает тяжело, но запад... В современности запада мясники и торговцы подтяжками пользуются плодами науки и искусства. Нет, я приемлю эту Россию, даже в достижении никогда не достижимых целей. И Вам говорю: не уезжайте. Превдвину только Вашу гибель. Миру случайностей не осталось места.

Ваш сердечно преданный Валерий Брюсов.

Акцентр. Москва³⁹.

Таким политическим уроком-выводом, можно сказать, заканчивается эпистолярное наследие, а по существу и весь жизненный путь Валерия Брюсова.

Здесь печатаются 6 писем Брюсова и 30 писем его корреспондентов. Письма № 22 и 25 общены и подготовлены С.Н. Полозковой; письма № 4 и 7 предоставлены Я.Е. Резником; письмо № 29 сообщено И.В. Платоновой-Лозинской.

¹ ЛН. Т. 27–28. С. 472.

² Значительная часть писем Брюсова советского периода опубли.: Записки ОР ГБЛ. Вып. 29. М., 1967.

³ ВЛ. 1976. № 7. С. 214 (публ. Л.Р. Ланского).

⁴ Письмо от 23 ноября 1923 г. – Корней Чуковский. Из воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1959. С. 462.

⁵ Записки ОР ГБЛ. Вып. 29. С. 229.

⁶ ВЛ. 1976. № 7. С. 207.

⁷ Записки ОР ГБЛ. Вып. 29. С. 220.

⁸ Там же. С. 233.

⁹ Там же. С. 234.

¹⁰ Там же. С. 243.

¹¹ ЛН. Т. 85. С. 710.

¹² Записки ОР ГБЛ. Вып. 29. С. 230.

¹³ См.: ГБЛ. Ф. 386, 81.1. Л. 30–31.

¹⁴ См.: Записки ОР ГБЛ. Вып. 29. С. 225–226, 229.

¹⁵ Там же. С. 239–240.

¹⁶ Там же. С. 232.

¹⁷ ВЛ. 1976. № 7. С. 214.

¹⁸ ЛН. Т. 93. С. 552.

¹⁹ ВЛ. 1976. № 7. С. 207.

²⁰ Там же. С. 214.

²¹ См.: Записки ОР ГБЛ. Вып. 29. С. 244.

²² Наст. том, кн. 1. Переписка с Бальмонтом, п. 170. Из сообщения Кузикова узнаем, что весной 1923 г. Брюсову было отправлено письмо Бальмонта, написанное совместно с Кузиковым, но оно не дошло до адресата (ВЛ. 1976. № 7. С. 214).

²³ Записки ОР ГБЛ. Вып. 29. С. 239–240.

²⁴ Наст. том, кн. 1, Переписка с Бальмонтом, п. 170.

²⁵ Чтения 1973. С. 275.

²⁶ ГБЛ. Ф. 386.89.8.

²⁷ См.: Записки ОР ГБЛ. Вып. 29. С. 232.

²⁸ См.: ЦГАЛИ. Ф. 237. Оп. 1. Ед. хр. 15.

²⁹ Для уяснения вопроса “Брюсов в восприятии и оценке Пастернака” надо учесть и стихотворное приветствие, написанное и посланное Брюсову в юбилейные дни – в декабре 1923 г.

³⁰ См. также ст.: Паханяц К.А. Брюсов и Пастернак // Чтения 1973. С. 293.

³¹ ВЛ. 1965. № 5. С. 139.

³² Худож. слово. № 2. 1921.

³³ ВЛ. 1976. № 7. С. 207.

³⁴ См. ст.: Трифонов Н.А. Луначарский и Брюсов // Рус. лит. 1973. № 4; То же: Чтения 1973.

³⁵ Письма Луначарского к Брюсову опубли.: Записки ОР ГБЛ. Вып. 29. С. 246–252.

³⁶ Перечень адресов и приветствий приведен в кн.: Валерию Брюсову: Сб., посвященный 50-летию со дня рождения поэта / Под ред. проф. П.С. Когана. М., 1924.

³⁷ Красная новь. 1923. № 7. С. 289.

³⁸ Стэнк М. Валерий Брюсов: Воспоминания, 1925 // ИМЛИ. Ф. 13. Оп. 2. № 45. Л. 16–17.

³⁹ В кн.: Тальзин М. По ту сторону. Париж, 1932. С. 167–168.

1. В.Г. ШЕРШЕНЕВИЧ – БРЮСОВУ

(Москва. 5/18 марта 1918 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Не хочу Вас отрывать от работы и потому не захожу сам, а пишу письмом.

Приложенный билет – дает Вам возможность провести бесплатно в “Табакерку”¹ Иоанну Матвеевну, о чем Вы выражали желание. Этот билет остается у Вас на все время и при входе не отбирается. Согласно наших переговоров Ваши чтения анонсированы на завтра (вторник) и пятницу (9 марта).

От всей души надеюсь, что нам всем и Вам в особенности удастся создать из “Табакерки” хотя бы слабое подобие Эстетики² (несколько американизированной).

До вторника.

Ваш преданный Вад. Ш е р ш е н е в и ч

5/18 марта 1918.

ГБЛ. Ф. 386, 108.24. Л. 12–13.

Поэт Вадим Габриэлевич *Шершеневич* (1893–1942) познакомился с Брюсовым еще в начале 1910-х годов. О Брюсове и взаимоотношениях с ним он рассказывает в своих воспоминаниях “Великолепный очевидец” (*ЦГАЛИ*. Ф. 2145. Оп. 1. Ед.хр. 174). Фрагменты из них, посвященные Брюсову, см. в публикации К.Н. Суворовой “В.Я. Брюсов глазами современника” (Встречи с прошлым. 1975. Вып. 2). Впервые оценку стихов Шершеневича Брюсов дал в статье “Год русской поэзии (апрель 1913–апрель 1914)” в *РМ*. (1914. № 5). В фонде Брюсова *ГБЛ* хранятся 10 писем В. Шершеневича (1913–1923 гг.).

¹ “Музыкальная табакерка” – одно из литературных кафе, существовавшее в Москве в 1918 г. Брюсов выступал здесь с чтением своих стихов и, в частности, с импровизациями. Об организации таких вечеров говорится в письме Шершеневича Брюсову от 1 апреля 1918 г. (*ГБЛ*. Ф. 386, 108. 24. Л. 3). 19 марта 1918 г. Брюсов написал стихотворение “Табакерка” (III, 371–372).

² Общество свободной эстетики (1906–1917) – литературно-художественное общество, объединявшее представителей различных, преимущественно модернистски настроенных, кругов московской творческой интеллигенции и поклонников “нового искусства”. Брюсов длительное время играл в этом обществе руководящую роль.

В.Г. ШЕРШЕНЕВИЧ

Фотография. 1928

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

2. П.Н. САКУЛИН – БРЮСОВУ

(Москва). Смоленский бул., Глазовский пер., д. 5, кв. 16.
29/VIII 1918

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Позвольте, надеяться, что Вы откликнетесь на прилагаемое обращение О.Л.Р.Сл. и дадите хотя бы несколько строк, хотя бы простой афоризм в задуманный нами альманах¹. Ваше участие было бы очень дорого.

До сих пор выразили свое согласие и притом категорическое – К.Д. Бальмонт, В.В. Вересаев, Вяч. И. Иванов.

П.Н. САКУЛИН

Фотография. 1920-е годы

Институт мировой литературы им. А.М. Горького, Москва

Мне хотелось бы побывать у Вас и лично поддержать нашу просьбу, но я знаю, до какой степени Вы теперь неуловимы. И я не решился беспокоить Вас своим визитом.

Пользуюсь случаем, чтобы передать Вам (через А.И. Калишевского²) обещанную брошюру “Реформа русского правописания”³.

С истинным уважением П. С а к у л и н.

ГБЛ. Ф. 386, 101. 38. Л. 7–8.

Павел Никитич Сакулин (1868–1930) – литературовед, профессор, с 1929 г. академик. С 1921 г. председатель Общества любителей российской словесности, действительным членом которого Брюсов состоял с 1906 г. В ГБЛ хранятся 6 писем Сакулина к Брюсову (1909, 1911, 1912, 1918, 1921 и 1922 гг.).

¹ Задуманный альманах не вышел.

² Антон Иеронимович Калишевский (1863–1925) – библиотекоед, директор библиотеки МГУ.

³ Сакулин П.Н. Реформа русского правописания. Пг.: Парус, 1918. В библиотеке Брюсова сохранился экземпляр этой брошюры с дарственной надписью: “Валерию Яковлевичу Брюсову, авторитетному союзнику, с чувством глубокого удовлетворения. П. Сакулин” (ГБЛ. Ф. 386. Книги. № 1350).

3. Г. А. ШЕНГЕЛИ – БРЮСОВУ

(Харьков. 2 мая 1919 г.)

Валерий Яковлевич.

Издаваемый Харьковским Цехом журнал, о котором я говорил Вам в январе, в настоящее время достиг тиража в 7000 экз. и увеличивает его¹. В силу этого журнал сей, как единственный в России свободный литературно-художественный орган, приобретает особенное значение. Цех принимает все меры к его улучшению и обогащению. Редактором ныне приглашен М. Волошин, приезжающий в Харьков². Сотрудничают в журнале, между пр., Ахматова, Гиппиус, Бальмонт, В. Иванов, А. Белый, Ремизов, С.А. Венгеров, Гершензон, Горнфельд³.

Обращаюсь к Вам от имени редакции, членом которой я состою, с просьбою реализовать Ваше январское обещание сотрудничества и прислать 1) стихи, 2) критический очерк всех литературных новинок сезона, 3) статью о современной поэзии армян, 4) небольшой, размером 30–40 000 печ. знаков рассказ или более-менее законченный отрывок романа, повести⁴. Журнал платит: за строчку стихов 5р., за статьи – 3 коп. печ. знак, за художественную прозу – 5 к. печ. зн.

Очень просим Вас, не откладывая, известить о согласии. По получении известия аванс будет немедленно переведен. Адрес: Харьков, ул. Либкнехта, 14, Худож. Цех, редакция журн. “Творчество”.

Искренне Вас уважающий Георгий Шенгели.

1919 г. 2 мая.

Если гонорарные условия покажутся Вам неподходящими, не откажите указать желаемые.

ГБЛ. Ф. 386, 108.16. Л. 2–3.

Георгий Аркадьевич Шенгели (1894–1956) – поэт, переводчик, теоретик стиха. Начал печататься в 1909 г. В 1918 г. окончил юридический факультет Харьковского университета. Познакомился с Брюсовым в 1916 г. В 1923 г. был приглашен Брюсовым стать профессором по кафедре стиховедения в ВЛХИ. О Брюсове писал в брошюре «Два “Памятника”» (Пг., 1918), в полемической статье “Валерий Брюсов между двух стульев” (ЛР. 1923. № 6) и в мемуарном очерке “Валерий Брюсов” (Лит. Армения. 1980. № 9).

¹ Иллюстрированный журнал Художественного цеха “Творчество” выпускался в Харькове издательством “Наша мысль” в 1919 г. под редакцией И.Я. Рабиновича. Вышло 5 номеров.

² М. Волошин редактором журнала не был.

³ Из произведений перечисленных писателей в журнале были опубликованы стихотворения А. Ахматовой (№ 1), К. Бальмонта (№ 2 и 5), рассказ А. Ремизова (№ 4), статья М. Гершензона (№ 4), 7 рецензий А. Горнфельда (№ 2, 3, 4, 5). Кроме того, там печатались стихи О. Мандельштама (№ 3), Ф. Сологуба (№ 3), М. Кузмина (№ 4 и 5), А. Блока (№ 5), Н. Гумилева (№ 5), Г. Шенгели (№ 1 и 3) и др.

⁴ В своих воспоминаниях Шенгели писал, что во время встречи в начале 1919 г. Брюсов “охотно дал несколько своих стихотворений для журнала, издаваемого Цехом” (Лит. Армения. 1980. № 9. С. 98). Однако Брюсов в харьковском журнале “Творчество” не печатался.

4. С. А. ВЕНГЕРОВ – БРЮСОВУ

Петроград, Загородный, 21.
1 сент(ября) 1919 (г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Помните наш давний разговор о переводе Данте?¹ Так вот этот разговор я возобновляю в самой категорической форме и был бы Вам благодарен, если бы Вы незамедлительно ответили мне: взялись ли бы Вы переводить “Божественную комедию”, в какой срок и по какой цене?

Считаю нужным прибавить, что по желанию издательства я одновременно пишу и Вячеславу Иванову и предлагаю ему также переводить “Божественную комедию”, хотя глубоко убежден, что ничего из этого не выйдет². Я по собственному опыту знаю, что значит у Вяч. Ивановича выпарпать даже небольшую работу, а тут вдруг такую махину. Но дело в том, что перевод “Бож(ественной) комедии” ведь можно, без большого ущерба для художественности впечатления, разбить на три части. И тогда

участие Вяч(еслава) Ив(анович)а в меньшей доле ускорило бы срок изготовления. Одному, может быть, очень уж долго пришлось бы работать – целые годы, пожалуй.

Итак, жду ответа, надеюсь положительного. Подробнее спишемся потом.

С искренним уважением Ваш С. Венгеров.

Из материалов, найденных Я.Е. Резником (см. его заметку “Вот так находка!” – Книжное обозрение. 1986. № 16).

С Семёном Афанасьевичем Венгеровым (1855–1920), историком литературы и библиографом, профессором Петербургского университета, Брюсов сотрудничал с 1903 г. как участник руководимых им изданий Пушкина, Байрона, Мольера (в серии “Библиотека великих писателей”, изд. Брокгауза–Ефрона) и как автор статей в редактировавшихся Венгеровым “Новом энциклопедическом словаре” и “Русской литературе XX века” (1914–1916). Венгеров с 1917 г. был директором Российской Книжной палаты, Московским отделением которой в 1917–1918 гг. заведовал Брюсов. Переписка Венгерова и Брюсова очень обширна. Значительная часть ее опубликована в 1-м томе “Литературного архива” (М.; Л., 1938), в сборнике “Мастерство перевода” (М., 1959) и в т. 85 ЛН.

¹ Брюсов еще в 1904 г. дал согласие Венгерову перевести для “Библиотеки великих писателей” первую часть “Божественной комедии” Данте – “Ад”. Задуманное издание не осуществилось. Брюсов перевел только первую песнь и начало третьей “Ада”, но не опубликовал свой перевод при жизни. См.: *Бэлза С. Брюсов и Данте // Данте и славяне. М., 1965.*

² Вяч. Иванов заключил договор с издательством Брокгауза–Ефрона на перевод 2-й части “Божественной комедии” – “Чистилище” 14 мая 1920 г. Работа закончена, по-видимому, не была. Сохранился только один фрагмент перевода 1-й песни. См.: ст.: *Davidson P. Vyacheslav Ivanov's Translations of Dante // Oxford Slavonic Papers. 1982. Vol. XL. P. 123–131.*

5. Б.А. ПИЛЬНЯК – БРЮСОВУ

Коломна. Никола-на-Посадах

Тел. 1–12

1 апреля 1920 года

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич.

Я пересылаю Вам рукопись книжки моей “Погост Белые Камни”¹. Я очень извиняюсь, что беспокою Вас, – но я думаю, что если книжка попадет прямо Вам и Вы ее просмотрите, – этого будет уже достаточно, чтобы получить в Госуд. Из-ве аванс. А мне сейчас, как можно скорее, ужасно нужны деньги.

Если Вас затрудняет моя просьба, – пожалуйста, возвратите книжку принесшему ее, с тем, чтобы он отнес ее в Государств. Из-во. Недели через две я привезу рассказ для журнала².

Всего хорошего.

Ваш Бор. П и л ь н я к

ГБЛ. Ф. 386, 98.32. Л. 1–2.

¹ Писатель Борис Андреевич Пильняк (наст. фамилия – Вогау, 1894–1937) послал рукопись своей книги Брюсову как рецензенту Госиздата. Книга под таким названием не выходила. “Внутренняя” рецензия на эту рукопись, написанная Брюсовым для Госиздата 27 апреля 1920 г., опублик.: *ВЛ. 1965. № 5.*

² Рассказ “При дверях” (Художественное слово. № 1. 1920). Вероятно, рассказ был передан Брюсову в 20-х числах апреля 1920 г.; в библиотеке Брюсова сохранился экземпляр сборника рассказов Пильняка “Быль” (М.: Звенья, 1920) с дарственной надписью: «Валерию Яковлевичу Брюсову. Парнишкой, когда я думал, что писатели, подобно мамонтам, перевелись, я прочел, запомнил и помню:

“Все в жизни лишь средство
Для ярко-певучих стихов”.

Это я запомнил навсегда, должно быть. Это написал Валерий Брюсов. И еще я знаю теперь, что писатели, подобно мамонтам, – не перевелись на земле Русской. Бор. Пильняк. Коломна. Никола-на-Посадах. 23 апр. н. ст. 1920 г.» (*ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1269.*)

6. И. СЕВЕРЯНИН – БРЮСОВУ

Toila. 22 IV. 20 г.

Светлый Валерий Яковлевич!

Если Вы живете еще в Москве, и это письмо дойдет до Вас, известите меня, пожалуйста, и я напишу Вам большое письмо.

Только вчера узнал о возобновлении почтовых отношений с Россией, и спешу послать Вам свой искренний привет и всегдашние воспоминания.

Любящий Вас И г о р ь
Эстония, Eesti, Toila, – poskontar Igor Severjain’ile.

ГБЛ. Ф. 386, 102.25. Л. 30.

Поэт Игорь Северянин (настоящее имя – Игорь Васильевич Лотарев; 1887–1941) переписывался с Брюсовым до революции в 1911–1913 гг. О переписке и знакомстве с Брюсовым Северянин рассказывает в своих воспоминаниях 1927 г. “Встречи с Брюсовым” (см.: Лит. Россия. 1987. № 20. 15 мая). Брюсов отмечал, что он “один из первых приветствовал стихи Игоря Северянина” (ЛН. Т. 85. С. 206). Помимо доброжелательных отзывов в своих обзорах 1911–1913 гг., Брюсов написал о Северянине статью, вошедшую в сборник “Критика о творчестве Игоря Северянина” (М.: изд. Пашуканиса, 1916; VI, 444–458). В свою очередь, Северянин высоко ценил Брюсова, выделяя его среди других поэтов, и посвятил ему ряд стихотворений. В библиотеке Брюсова сохранились две книжки Северянина с дарственными надписями: 1) Предгрозье. СПб., 1910 (надпись: “Умному и славному Валерию Брюсову – безумный и изнемогающий Игорь-Северянин. 911 окт. СПб.” – ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1355) и 2) Очам твоей души. Поэзы... Столица на Неве, 1912 (надпись: “Валерию Брюсову, мне дорогому, Игорь-Северянин. 1912. IV, 17. СПб.” – ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1356).

Летом 1918 г. Северянин, живший в Эстонии, оказался отрезанным от России. Вслед за публикуемым здесь письмом Северянин, сомневаясь, дойдет ли оно до адресата (на конверте по ошибке обозначена 2-я Мещанская ул., вместо 1-й Мещанской), послал Брюсову 23 апреля 1920 г. открытку, в которой продублировал содержание предыдущего письма (ГБЛ. Ф. 386, 102.25. Л. 32).

Игорь-Северянин

И. СЕВЕРЯНИН

Фотография. 1920-е годы
Литературный музей, Москва

7. С.А. ВЕНГЕРОВ – БРЮСОВУ

Петроград. 1 мая 1920 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

А.Ф. Перельман¹ с Ваших слов сообщил мне, что Вы написали мне письмо, в котором выражали согласие взять часть перевода “Божеств(енной) комедии”². К великому огорчению своему, никакого письма я не получал. Не получил я никакого письма и от В.И. Иванова, который тоже выражал свое согласие взять половину перевода³. С Вяч(еславом) Ив(ановичем), правда, дело теперь наладилось: он взял весь перевод. Не скажу, однако, чтобы это меня вполне устраивало. Не сомневаюсь, конечно, что перевод будет очень хорош и явится литературным событием. Но когда, когда это событие произойдет! Медленность работы Вячеслава Ивановича известна. Официальный уговор на 3 года, которые на практике так легко могут превратиться в *saendae grescae*⁴.

Огорчение от того, что Вы не взяли Данта, усугубляется тем, что Вы взяли другую огромную работу – “Фауста”⁵. А мы как раз мечтаем о Вашем “Фаусте” и придумали следующее: у Вас, ведь, приобретают “Фауста” для *отдельного* издания – так нельзя ли, поэтому, и фирме Брокгауз–Ефрон воспользоваться Вашим переводом как *составною частью целого тома Гете*. Такой том, естественно, будет дороже, чем *сепаратное* издание одного только “Фауста”, будет представлять собою *разрозненную*

часть Собрания сочинений и поэтому, конечно, никакой конкуренции отдельному изданию составить не может.

А.Ф. Перельман поговорит с Вами о подробностях, я же, как редактор подготавлиемого к изданию собр(ания) соч(инений) Гете, обращаюсь к Вам с нижайшею просьбою дать Ваш перевод и в наше издание.

Как Ваше здоровье? Судя по тому, что взвалили на свои рамена гигантскую задачу перевода “Фауста”, Вы вероятно, оправились.

Прошу передать мой привет Иоанне Матвеевне.

С искреннейшим уважением С. Венгерова.

Из материалов Я.Е. Резника (см. п. 4).

¹ Арон Филиппович Перельман – сотрудник издательства Брокгауза–Ефрона.

² См. п. 4, прим. 1.

³ Там же, прим. 2.

⁴ Греческие календы (лат.). Счет по календам у греков не применялся. Поэтому латинское выражение “отложить до греческих календ” означало “никогда не сделать”.

⁵ Первые наброски брюсовского перевода “Фауста” относятся еще к 1891 г. (ГБЛ. Ф. 386, 14.1). Завершил свой перевод Брюсов в 1919–1920 гг. Напечатаны только первая часть трагедии (М.; Л.: ГИЗ, 1928) и 5-й акт из второй части (ЛН. Т. 4–6. См.: Пуришев Б.И. “Фауст” Гете в переводе Брюсова // Чтения 1983.

8. Н.А. ПАВЛОВИЧ – БРЮСОВУ

(Петроград, 23 июня 1920 г.)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

в Петрограде налаживается отделение нашего Союза поэтов. В инициативную группу вошли Блок, Гумилев, Белый (с желанием работать). Завтра я буду говорить с Кузминым, Эрбергом¹ и с неско(лькими) молодыми поэтами, к которым направили меня Гумилев и Блок. Особенно последний очень помогает мне. Кроме того, есть основание рассчитывать на поддержку т. Ионова², что важно для издательства. Теперь возникает вопрос о точных взаимоотношениях Петрограда и нашего Президиума. Я прошу Вас в срочном порядке поставить этот вопрос на Президиум и предлагаю такую схему.

1) Немедленно озаботиться о созыве съезда, на котором будет выбран Всерос(сийский) Президиум, куда войдут, конечно, главным образом представители Москвы и Петрограда.

2) До созыва съезда, как только будет утверждено Петроградское отд(еление) и избран его Президиум, соединить нашу и его редакционные ком(иссии).

(В ком(иссию) эту думают войти Блок и Белый.) Вопросы эти требуют немедленного разрешенья, так как уже возникли. Таким образом отчасти осуществится мысль Буданцева³ о необходимости выделения профессион(альных) дел. Администрат(ивная) сторона отойдет к Московс(кому) и Петроград(скому) Президиумам. Профессион(альная) же и, конечно, редакц(ионно)-изд(ательская) к Всерос(ийскому) Президиуму. Затем очень прошу Вас, Валерий Яковлевич, распорядиться немедленно выслать мне хотя бы рукописную заверенную, если нет печатной, копию Устава. Я предполагаю, что через неделю-полторы будет собрание инициативной группы, а через две – общее собранье⁴. При чем мы пока решили привлечь к Союзу и на общее собранье поэтов не путем публикации, а путем личных приглашений, чтобы избежать нежелательных лиц. Также прошу я прислать мне выписку из протокола, где точно обозначены нормы приема.

Я была бы очень рада, Валерий Яковлевич, если бы Вы отметили, что кажется Вам желательным про организацию, и сказали бы мне, правильным ли путем я пошла. Адр(ес) мой: Выборгская сторона, Проспект Карла Маркса, д. 7 “а”, кв. 14, Корнилович⁵, мне. Как только санкционируете проект соединенной ред(акционной) ком(иссии) и так или иначе разрешите вопрос о составе Всерос(ийского) Президиума, м.б. Вы будете добры телеграфировать мне об этом, т(ак) к(ак) письма могут сильно задержаться.

Уважающая Вас Надежда Павлович

P.S. Простите, что пишу на таком листе. Бумаги нет.

ГБЛ. Ф. 386, 97.24. Л. 3–Зоб. Датируется по почт. шт.

Надежда Александровна Павлович (1895–1980) – поэтесса, печаталась с 1911 г. Первый сборник ее стихов – “Берег” (Лг.: Неопалимая купина, 1922). В первые годы революции работала секретарем литературного отдела московского и самарского Пролеткульта, была секретарем президиума внешкольного отдела Наркомпроса. В 1920 г. выбрана в Президиум Всероссийского Союза поэтов, руководимого Брюсовым. По его поручению в июне 1920 г. приехала в Петроград для организации петроградского отделения Союза. Об этом Н. Павлович рассказывает в своих “Воспоминаниях об Ал. Блоке” (Блоковский сборник. Тарту, 1964. I). В более раннем письме (без даты) Павлович просила Брюсова прочесть ее стихи и высказать свое мнение о них (ГБЛ. Ф. 386, 97.24. Л. 1). В упомянутых “Воспоминаниях об Ал. Блоке” она сообщает: «Еще в 1915 г., когда я в первый раз передала Брюсову тетрадь моих стихов, он написал на ней: “Следует учиться поэзии. Валерий Брюсов”» (с. 481). Как бы реализуя этот совет, Павлович в 1918 г. организовала первую студию стиховедения, в которой преподавал и Брюсов.

¹ К. Эрберг (наст. имя – Константин Александрович Сюннерберг; 1871–1942) – поэт, искусствовед, критик, близкий к символизму.

² Илья Иванович Ионов (наст. фамилия – Бернштейн; 1887–1942) – поэт, советский издательский деятель. Первый председатель правления издательства Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов (впоследствии Ленинградского отделения Госиздата).

³ Сергей Федорович Будацев (1896–1940) – прозаик и поэт. В 1920–21 гг. входил в правление Всероссийского союза поэтов.

⁴ Инициативная группа собралась 27 июня 1920 г., а организационное собрание Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов состоялось 4 июля 1920 г. Протоколы обоих собраний Павлович отвезла в Москву Брюсову.

⁵ Николай Павлович Корнилович (1865–1932) – профессор анатомии Военно-медицинской академии. По приезде в Петроград Павлович остановилась в его семье.

9. С.А. ВЕНГЕРОВ – БРЮСОВУ

Загородный, 21
Петербург. 5 июля 1920

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Меня постигли великие семейные горести – скончалась моя дочь и тяжело больная другая, был я и сам болен и потому несколько времени занимался только самыми неотложными делами по университету и Книжной палате. Теперь приступаю к другим делам, в том числе к Гете и Данту. А.Ф. Перельман очень меня обрадовал сообщением, что Вы согласились дать нам “Фауста”. Думаю, что это будет большой подарок русской литературе. Вы, наверное, внесете ту точность передачи философских мыслей, при переводе которых так легко можно впасть в расплывчатость. А общий классически-стройный стиль Гете, не будемте говорить холодный, а строгий, тоже так подходит к основным свойствам Вашего дарования.

Как подвигается у Вас работа? Одновременно ли Вы работаете и по Гете и по Данту, или сосредоточились на одном из них? Не сообщите ли чего-нибудь, в каком положении Ваши переводы. Если у Вас есть что-нибудь готовое, это могло бы мне послужить основанием укорять Вяч. Ивановича за медленность. Как я писал и Вам, и Вяч. Ивановичу, я не сомневаюсь, что его перевод будет крупнейшим литературным событием, но плохо верится в реальное осуществление этого события.

Очень уже медленно работает Вяч. Иванович, и, крепко надеясь на Вас, издатели очень мрачно смотрят на вторую часть перевода “Божественной Комедии”.

Хотелось бы поговорить о Вашем издании Пушкина¹, с которым пока только бегло знаком, но это надо отложить до личного свидания – недели через 3 я, кажется, соберусь в Москву². Пока только заметим общую черту наших издателей, в которой только я один совершенно не повинен – это малое уважение к трудам предшественников. На всякий случай хочу обратить Ваше внимание на мою прозу. Если я не успел дать стихотворных вариантов (продолжаю, однако, их подготавливать), то проза моя полнее и, смею сказать, совершеннее, чем во всех других изданиях³. И Дневник и Кишиневская историческая записка 1822 г.⁴ впервые даны мною с абсолютной полнотой. И вся вообще проза проверена очень тщательно, с полным соблюдением орфографии. Письма у меня немногим, но, все-таки, полнее чем у Саитова⁵.

С искренним уважением С. Венгеров.

P.S. Как подвиг единоличного труда (кажется, исполнено в 1½ года?) Ваше издание есть нечто беспримерное. Но я не могу понять, для кого оно предназначено. Для большой публики многое из библиографических указаний не представляет интереса, а для публики избранной многое слишком элементарно.

Вы считаете, что “Noël”⁶ впервые у Вас напечатан полностью. Это неверно – у меня он напечатан без всяких пропусков.

Я не надеюсь в скором времени напечатать все мои материалы по истории текста, но краткое объяснение отличий моего текста от текста других изданий я, все-таки, надеюсь подготовить в скором времени.

Желаю Вам неослабной энергии для завершения Вашего прекрасного литературного подвига.

ГБЛ. Ф. 386, 79.39. Л. 3–4.

¹ Пушкин А.С. Полн.собр.соч. со сводом вариантов / Под ред., со вступ. ст. и объяснительным прим. Валерия Брюсова. М.: Госиздат, 1920 (на титульном листе: 1919). Т. 1, ч. 1.

² Венгеров умер в Москве 14 сентября 1920 г.

³ Имеется в виду шеститомное Собрание сочинений Пушкина под ред. Венгерова в “Библиотеке великих писателей” (Пг.: изд. Брокгауза–Ефрона, 1906–1915).

⁴ Дневник 1833–1835 гг. был напечатан в т. V венгеровского издания. “Из Кишиневского дневника 1821 г.” – в т. VI.

⁵ Под редакцией В.И. Саитова Академией наук было выпущено трехтомное издание: Переписка Пушкина (П., 1906–1908–1911).

⁶ О стихотворении “Noël. (Святочная песенка)” Брюсов писал в редактируемом им собрании сочинений Пушкина: “Напеч. за границей 1859 г.; в России отрывки 1880 г. Полностью в нашем изд. впервые” (с. 133).

10. А.Я. ТАИРОВ – БРЮСОВУ

(Москва.) Сентябрь 10-го дня 1920 г.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

посылаю Вам переписанный конец первого акта¹. Буду рад получить его в окончательной обработке, чтобы приступить к работе. Как только у Вас будет готов текст первого акта и дальнейший, будьте добры тотчас же присылать его в Театр для переписки пьесы и ролей.

Уважающий Вас А. Т а и р о в

ГБЛ. Ф. 386, 104.24. Л. 1. Машинопись с подписью-автографом. На бланке “Московский Камерный театр”.

Александр Яковлевич *Таиров* (наст. фамилия – Корнблит; 1885–1950) – организатор и руководитель Московского Камерного театра.

¹ Речь идет о трагедии Ж. Расина “Федра” в переводе и обработке Брюсова. Премьера состоялась 8 февраля 1922 г. Спектакль имел успех. 11 февраля в “Известиях ВЦИК” появилась рецензия А.В. Луначарского, который назвал этот спектакль “первой бесспорной победой Таирова” (*Луначарский А.В. Собр. соч.* М.: Худож. лит., 1964. Т. 3. С. 109). Луначарский высоко оценил и работу переводчика: «... Брюсову удалось как бы сделать какое-то своеобразное, неожиданное чудо (...) В первый раз (...) великим древним воздухом грандиозного коллективного мифотворчества совершенно свежего народа повеяло на меня от расиновской “Федры” в переводе Брюсова» (Там же. С. 110).

11. Б.А. ПИЛЬНЯК – БРЮСОВУ

Коломна, Никола-на-Посадах,
10 дек. 920 г.

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Я думал и решил, что никакого письма в редакцию писать не следует, ибо доказывать, что я не верблюд – бессмыслица. Лучше того, как я сумел рассказать о себе своими рассказами, – рассказать я не умею. Я – молод, здоров, силен и вынослив, и, если бы я был против Республики, я плавал бы сейчас по Черному морю: – это основа моего отношения к Республике и моих ощущений. Мне никто не имеет права сказать, что он больше меня любит и понимает Россию. Революция – благословенна. Но – то ме-

щанство, глупость, довольство, четверть фунта хлеба около красного стяга (все то же мешчанство) – табак не по моему носу. Меня возмущает лакейство этих дней. И еще. Одни думают, что все прекрасно, – но ведь каждый из нас больше всего мучил любимую любовницу и мать, – разве же Россия – не первая любовница и не первая мать? – Если литература вообще должна существовать, то пусть уже будет по-своему любить – и не любить пятна на солнце, живя этим солнцем. Гражданин Ангарский (он же Клестов) написал отзыв о моей книжке¹, этот отзыв (на безрыбье рак – щука) мне приятели-друзья как откровение показывают, причем для шутки, что ли, ни одной выписки из меня не сделал верно и приписал мне, автору, слова и деяния персонажей. Так разве – в этом надо оправдываться?

Я знаю Ваше мнение о “При дверях”², мнение Горького, еще нескольких, – и мне достаточно. Это письмо я пишу Вам, потому что, (б)ыть м(ожет), Вы ждали от меня письма в редакцию, как я говорил в Москве. Не нужно этого.

Всего хорошего Вам.

Ваш Бор. П и л ь н я к

Будьте добры, Валерий Яковлевич, если это Вас не утруднит, распорядитесь выслать мне 2-ой № “Худ(ожественного) слова”, – мне хочется прочесть Ваш отзыв.

ГБЛ. Ф. 396, 98.32. Л. 3–4.

¹ Очевидно, Пильняк намеревался писать “письмо в редакцию” по поводу резко отрицательной оценки его сборника рассказов “Быль” (М.: Звенья, 1920), содержащейся в статье Н. Ангарского “Литература упадка” (Творчество. 1920. № 5–6). Там, в частности, утверждалось: «Мы напрасно стали бы искать в произведениях Пильняка отражение жизни и обобщение наблюдений. Действительность он воспринимает односторонне, пропуская жизнь через упадочную интеллигентскую душу, в которой отложились различные напластования: тут и Достоевский с его “безднами и провалами”, мистика и соборность В. Иванова, индивидуалистический анархизм Арцыбашева, плач о “нищей России” Блока и, наконец, “принятие революции” во вкусе самого зачинателя школы Мережковского (...) Все, что антижизненно, то неизбежно и антиобщественно; эти два начала окрашивают всю книгу рассказов Пильняка (...) Смерть, тоска о прошедшем, страх от “бунта народного”, голод, сифилис, одичание, гибель культуры – вот фон для картин Б. Пильняка, – и на этом фоне один за другим проходят его персонажи (...) Каждое литературное течение, конечно, имеет право высказываться и выявлять свое лицо, но поощрять такие “высказывания” не дело пролетарского государства, об этом считаем нелишним напомнить сейчас, когда Б. Пильняк и другие упадочные писатели печатаются в “Художественном слове” – органе Лит. отдела Наркомпроса» (с. 31–32).

Николай Семенович Ангарский (наст. фамилия – Клестов; 1873–1943) – участник революционного движения, член РСДРП(б) с 1902 г., литературно-издательский деятель, в предреволюционные годы один из организаторов “Книгоиздательства писателей в Москве”. В 1919–1922 гг. один из редакторов журнала “Творчество”; в 1923–1931 гг. редактор сборников “Недра”. В статье Ангарского “Литература упадка” был дан один из самых первых критических отзывов о произведениях Пильняка.

² О творчестве Пильняка Брюсов напечатал только рецензию на сборник “Быль” (за подписью “Гармодий”. Худож. слово. № 2. 1921). Здесь, а также во “внутренней” рецензии на рукопись “Погост Белые Камни” (см. п. 5, прим. 1) и в устном отзыве о рукописи “Полынь” на заседании коллегии Лит.-худ. отдела Госиздата (Лит. Армения. 1973. № 12. С. 83), Брюсов своего мнения о рассказе “При дверях” не высказывал.

12. С.М. СОЛОВЬЕВ – БРЮСОВУ

(Первая половина 1921 г.)

Многоуважаемый и дорогой Валерий Яковлевич!

Более шести лет не встречались мы с Вами, и однако решаюсь беспокоить Вас просьбой и рекомендовать Вашему вниманию дочь моего доброго друга С.С. Бутурлина – Марию Сергеевну. Она хорошо знает три языка (французский, немецкий, английский), кроме того, греческий и латинский) и желала бы иметь место в Комиссариа-те Просвещения. Если бы Вы оказали ей содействие, очень бы меня обязали.

Часто вновь и вновь перечитываю некоторые главы “Алтаря Победы”¹. Особенно нравятся мне Симмах и дядя сенатора. (1 нрзб) по моему слабее всего, но заключительная битва – великолепна. Убийство императора за пиром прямо гениально. Не знаю, интересны ли Вам эти мои отзывы, но в искренности их Вы не станете сомневаться. Давно хотелось сказать Вам несколько слов по поводу “Алтаря Победы”, ко-

С.М. СОЛОВЬЕВ

Портрет работы Н.Н. Вышеславцева.
Уголь. 1924

Литературный музей, Москва

торый так недостаточно оценен большой публикой, а составляет эпоху в истории русской литературы.

Когда-то Ваш знакомый священник²
Сергий С о л о в ь е в

ГБЛ. Ф. 386, 103.23. Л. 30–31.

С поэтом Сергеем Михайловичем Соловьевым (1885–1942) Брюсов был знаком с 1901 г. В 1921 г. Брюсов пригласил Соловьева преподавать греческий и латинский язык в так называемом “поэтическом техникуме” (а затем читать курс “Латинский язык в связи с общим языкознанием” в ВЛХИ). Исходя из этого и датируется настоящее письмо.

¹ Исторический роман Брюсова “Алтарь Победы. Повесть IV века” впервые опублик.: РМ. 1911. № 9, 11, 12; 1912, № 1–6, 8–10. 23 апреля 1912 г. Соловьев писал Брюсову: «За романом Вашим следил всю зиму, хотя находился в условиях, не лучших, чем Ваш герой, когда он сидел в Медиолан(ской) тюрьме. Но он просидел месяц, а я целых шесть. (Соловьев в 1911–1912 гг. находился в психиатрической лечебнице. – Н.Т.) Мне лично роман Ваш ближе “Огненного ангела”. Но мне кажется, что все чисто политическое больше захватывает, чем мистическое. А когда я читал сцену, где старый сенатор трусит идти в сенат и хочет выпить на дороге, мне вспомнились лучшие места Флорбера. Но примечания сильно расхолаживают» (ГБЛ. Ф. 386, 103.23. Л. 29).

² Давно тяготевший к религиозному мышлению, С.М. Соловьев в 1915 г. принял духовный сан (диакона), затем стал священником, а в 1926 г. епископом.

13. П.Н. САКУЛИН – БРЮСОВУ

(Москва.) Смоленский бул., Глазовский пер., д. 5, кв. 16.1/IV 1921

Многоуважаемый Валерий Яковлевич!

Взвесив сделанное Вами предложение, я пришел к заключению, что мне надлежит отказаться. Ни заведования Литературной Студией¹, ни систематической работы в Главпрофобре взять на себя не могу. Сейчас я чувствую себя очень утомленным. Мечтаю о том, чтобы несколько отдохнуть и приняться за свои научные занятия. Многое непозволительно запущено. С укором смотрят на меня папки, в которых собраны материалы для нескольких книг². Хочется, мучительно хочется остаток своих сил израсходовать на то дело, которое я считаю главным содержанием своей жизни. Теперь я всячески стараюсь освободить себя от административных, организационных и иных обязанностей, не имеющих прямого отношения к основным моим занятиям.

В надежде, что Вы найдете мою аргументацию достаточно убедительной, остаюсь

Ваш П. С а к у л и н.

ГБЛ. Ф. 386, 101.38. Л. 9.

¹ Литературная студия была основана в мае 1920 г. при ЛИТО Наркомпроса и находилась в ведении его Академического подотдела. Сакулин (наряду с Брюсовым, Вяч. Ивановым, С. Шервинским и др.) был

лектором литературной студии, а также членом бюро Академического подотдела ЛИТО (см.: Худож. слово. № 1. 1920. С. 62).

² В начале 1920-х годов Сакулин работал, в частности, над книгой “Русская литература и социализм” (ч. I. Госиздат, 1922; 2-е перераб. изд. – 1924).

14. Н.К. ПИКСАНОВ – БРЮСОВУ

(Саратов. 21 июля 1921)

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Я составил книжку о Пушкине (проект ее прилагаю). Она ближайшим образом назначается для университетского литературного семинария, но годится и для литературного самообразования. Думается, что бесполезна она также и для цеховых словесников, в частности для пушкинистов, так как в ней систематизированы многие отделы пушкинской библиографии и ставятся очередные вопросы для научной разработки. Общий тип книжки – такой же, что и в прилагаемых “Трех эпохах”¹, только все разработано детальнее и библиографическая регистрация доведена до 1921 г. Но если бы Вы захотели ближе познакомиться с построением тем, библиографии и вопросов, то у П.Н. Сакулина имеются три-четыре образца из “Пушкинской студии”.

К Вам и к нему я обращаюсь с просьбой: посодействовать скорейшему напечатанию книжки (вернее, брошюры, листа 2¹/₂ – 3 печатных). Мне хотелось бы выпустить ее к осени, к началу академического года. Но в Саратове почти невозможно что-нибудь печатать, а в Москве, особенно при Вашем авторитетном содействии, это, думается, осуществимо. За содействие был бы сердечно признателен².

За последний год я много занимался Пушкиным – частью для своего семинария по поэтике русской повести 20–40 годов, частью (и еще ближе) для аналогий с творческой историей “Горя от ума” – предмет моей законченной теперь диссертации³, а частью – по наплыву пушкинских книжных новинок. Текущим летом прочитал с первой и до последней страницы Ваше издание Пушкина⁴; оно дало мне очень много и вообще является крупным моментом в эдиционной истории Пушкина. В связи с моим намерением сделать предметом специального изучения, в ближайшем университетском семинарии, “Онегина”, я написал небольшую работу: Анализы “Онегина” (1. Образ Татьяны; 2. Образ Онегина; 3. Два стиля в романе) и тоже хотел бы ее напечатать⁵.

Но прежде печатания хотелось показать Вам ее и “Пушкинскую студию” – в надежде на добрые советы, исправления и дополнения. В частности, попрошу Вас просмотреть тему “Брюсов-пушкинист”. Я собрал под ней всю библиографию Ваших работ по Пушкину, какую мог, но, конечно, кое-что пропустил.

В Саратове трудноато следить за литературными новинками. Да и вообще здесь трудно работать научно, и я сделал большую ошибку, что в 1917 г. принял избрание в Саратовский Унив-т и бежал из Петрограда, от привычной ученой и культурной жизни. Теперь И.И. Гливенко⁶ зовет меня в Москву, и, говорят, я уже назначен Гос. Уч. Советом профессором Литер.-Худож. отд. факультета обществ. наук Московского У-та (впрочем, официальной бумаги не получал). Но это сделано помимо моей воли. И хотя я люблю Москву и стремлюсь в нее как в ученый и художественный центр, но

Н.К. ПИКСАНОВ

Фотография М.С. Напельбаума. 1927
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

вступить в новую профессорскую коллегия считаю возможным только при условии ее желания и приглашения⁷.

Посылаю Вам кое-что из своих работ, – остальное разошлось. У меня нет Вашего издания “Гавриилиады”⁸ – большая прореха в моей Пушкинской коллекции. NB: имеете ли Вы третий том академического издания Грибоедова?⁹ Если нет – пришлю.

Мой адрес: Саратов, Приютская, 43, Институт Народ. Образования.

С приветом Н. П и к с а н о в

21.VII.1921

ГБЛ. Ф. 386, 98.30. Л. 5–6об.

Николай Кириякович Пиксанов (1878–1969) – литературовед. До Октябрьской революции преподавал в Петербургском университете и на Высших женских (Бестужевских) курсах. Знакомство Брюсова и Пиксанова состоялось, по-видимому, в 1912 г. Брюсов тогда получил от Пиксанова отдельный оттиск биографического очерка о Грибоедове, вошедшего в I том Полного собрания сочинений. В ответном письме от 1 марта 1912 г. Брюсов отозвался об очерке как о “труде чрезвычайно обстоятельном” и пригласил автора сотрудничать в “Русской мысли”. В сентябре того же года Пиксанов выслал Брюсову свои книги – А.С. Грибоедов. Горе от ума. Текст Жандровской рукописи, хранящейся в имп. российском историческом музее в Москве (М., 1912) и, вероятно, первое издание книги “Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы и библиография” (СПб., 1912). «Издание “Горя от ума”, – писал Брюсов в письме от 25 сентября 1912 г. – (...) кажется мне чрезвычайно важным и сделанным безукоризненно. Отныне текст великой комедии может считаться установленным» (см.: *Рус. лит.* 1978. № 2. С. 198. Публ. Л.И. Кузьминой). После Октябрьской революции Пиксанов был экстраординарным профессором Саратовского университета. Впоследствии под редакцией Пиксанова вышел сборник Брюсова “Мой Пушкин. Статьи, исследования, наблюдения” (М., Л.: Госиздат, 1929).

¹ Пиксанов Н.К. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская: Темы. Библиография. Вопросник. 2-е изд. СПб., 1913. В библиотеке Брюсова имеется экземпляр с дарственной надписью: “Глубокоуважаемому Валерию Яковлевичу Брюсову от составителя” (ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1261).

² Пиксанов Н.К. Пушкинская студия. Пособие для высшей школы и самообразования. Первоначально печаталось в “Научно-педагогическом сборнике Саратовского института народного образования” (Саратов, 1921). Были и отдельные оттиски (в библиотеке Брюсова имеется экземпляр с дарственной надписью: “Славному пушкинисту Валерию Яковлевичу Брюсову от автора” – ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1266). В следующем году вышла в исправленном и дополненном издании – Петроград: Атеней, 1922.

³ Пиксанов Н.К. Творческая история “Горя от ума”. М.: Госиздат, 1928.

⁴ См. п. 9, прим. 1.

⁵ Статьи, относящиеся к циклу «Из анализов “Онегина”», были напечатаны в книгах: А.С. Пушкин. М.: Никитинские субботники, 1929. (Б-ка для школы и юношества); Пушкин и его современники. Л., 1930. Вып. 38–39; Памяти П.Н. Сакулина. М.: Никитинские субботники, 1931.

⁶ Иван Иванович Гливенко (1868–1931) – литературовед, профессор романской филологии I МГУ, заведовавший Главнаукой (Главным управлением научных, музейных и научно-художественных учреждений) Наркомпроса.

⁷ Пиксанов был переведен из Саратовского университета в I МГУ в сентябре 1921 г. Тогда же он был избран действительным членом Гос. Академии художественных наук, где вскоре занял должность вице-президента ГАХН и заведующего отделом литературы.

⁸ Пушкин А.С. Гавриилиада. Полный текст / Вступ. ст. и прим. В. Брюсова. 2-е изд. М.: Альциона, 1917.

⁹ Грибоедов А.С. Полн. собр. соч. / Под ред. и с прим. Н.К. Пиксанова. Пг., 1917. Т. 3.

15. В.М. ФРИЧЕ – БРЮСОВУ

(Москва. Октябрь 1921 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Большая просьба!

Необходимо принять в Лит(ературный) Техникум¹ даром подателя моего письма Леонида Тимофеева² (может быть, впрочем, письмо передаст его сестра). Сестра его учительница, и, следовательно, ясно, что платить за него не в состоянии. Он – калека и, следовательно, заработать не может себе службой, чтобы иметь возможность учиться. Он – юноша весьма даровитый, сейчас кончает курсы журналистов, самоучкой во время болезни овладел несколькими иностранными языками. Он – поэт и жа-

ждет в этом направлении работать. Очень прошу Вас сделать так, чтобы он был принят бесплатно.

Всего хорошего. В. Ф р и ч е.

ГБЛ. Ф. 386, 106.48. Л. 16. Датировано по времени открытия так называемого “поэтического техникума”.

Владимир Максимович Фриче после Октября вел большую организационную работу в Моссовете, МОНО, МК РКП(б). Затем возглавлял РАНИОН и Институт языка и литературы в его составе, секцию литературы, искусства и языка Коммунистической академии, литературное отделение Института Красной профессуры.

¹ “Поэтический техникум” (Первая государственная профессионально-техническая школа поэтики) существовал под руководством Брюсова в 1921–1922 гг. См. о нем в воспоминаниях В.В. Фефера «Брюсов в “Школе поэтики”» (*ЛН*. Т. 85).

² Леонид Иванович *Тимофеев* (1903–1984) – литературовед. Окончил ВЛХИ им. Брюсова. С 1958 г. член-корреспондент АН СССР.

16. Д.И. ВЫГОДСКИЙ – БРЮСОВУ

Петербург, 15 ноября 1921 г.

Валерий Яковлевич, я обойду все полагающиеся извинения и буду говорить прямо.

Случайно вчера я узнал, что Вы читали присланные мной в “Печать и революцию” рецензии о Вашей книге¹ и о книге Бальмонта² и по их поводу говорили о жестокости молодежи к старикам. Мне жаль, что Ваши слова дошли до меня не непосредственно, и мне трудно судить, что в них принадлежит Вам. И при всем этом слова эти облили меня такой горечью, что не могу удержаться не написать Вам, хотя очень затрудняюсь выразить точно мои мысли и чувства, связанные с этим событием (поверьте, что это для меня – душевное событие).

Я не знаю, Валерий Яковлевич, следили ли Вы за моей критической деятельностью (“Летопись”³, “Новая жизнь”⁴, “Новый журнал для всех” и т.д.) прошлых лет; по скромности склонен думать, что нет. Скажу только, что самое ценное в ней для меня была именно нежесткость, мягкость, чисто товарищеская щепетильность равно к “старикам” и “молодым”. И если мне приходилось дурно говорить о ком-либо, в моих словах – так мне казалось – было больше скорби, чем злорадства или пренебрежения. И тем больше бывала эта скорбь, когда приходилось говорить о “стариках”, о людях и поэтах, имевших за собой долгий путь. Вот почему Ваши слова о жестокости, отнесенные ко мне, не только больно ударили по моему человеческому сердцу, но и заделали мое литературное я. Мне стыдно, если та боль, о которой я говорю, оставалась заметной только для меня.

Вы говорите, что надо обойти молчанием неудачную книгу большого поэта (по поводу рецензии о Бальмонте). Этого я сделать не могу. Этого не допускает мое уважение к старикам. Я восторженно писал о “Ясене” Бальмонта (еще восторженнее в ранней молодости о “Только любовь” и других книгах), но я не мог с тех пор не писать о каждой книге последующей, какова бы она ни была. И если мои слова бывали холодны и звучала в них неудовлетворенность и досада обманутого читателя, то в них никогда не было ни злобы, ни злорадства. Я принимаю почти как личную обиду, что Бальмонт пишет такие книги, как “Перстень”. И от имени обиженных читателей должен сказать это и ему и другим. Поверьте, Валерий Яковлевич, что я с радостью буду писать ему восторженные гимны, если его новая книга призовет меня к этому.

Теперь относительно рецензии на “Последние мечты”. Вас обидело слово ученичество?⁵ Но ведь это лучшее, что может быть в поэте. За это Ваше ученичество (простите, Валерий Яковлевич, но я не только не отрекусь от этого слова, но буду настаивать на нем), за вечное искание новых путей, за то, что Вы не застыли на вершине, – за это вечное мое уважение к Вам – как критика, вечная любовь – как читателя. Я о Вашем творчестве писал неоднократно, делал это всегда с радостью и, право же, никогда не бывал не только жесток, но и вообще недоброжелательно настроен. С таким

же уважением к Вам как к поэту я писал и последнюю рецензию. И снова – мне обидно, если это оказывается недостаточно заметным для читателя рецензии.

Валерий Яковлевич, эти мои косноязычные слова – не извинение, не формальное оправдание моей рецензии. Это – слова от сердца, и я был бы счастлив, если бы они дошли до сердца.

Валерий Яковлевич, напишите мне, что Вы поняли меня, что Вы не будете причислять меня к жестокой молодежи, травящей стариков. Это нужно для моего душевного спокойствия. Я бы иначе не стал затруждать Вас этим письмом.

Давид В ы г о д с к и й

ГБЛ. Ф. 386, 81.21. Л. 5–6.

Давид Исаакович *Выгодский* (1893–1943) – литературный критик. В 1919 г. обращался к Брюсову из Гомеля с предложением участвовать в организуемом местном издательстве.

¹ Рецензия на сборник Брюсова “Последние мечты” (М., 1920) – *ПР.* 1921. № 3.

² Рецензия на сборник Бальмонта “Перстень” (М., 1920) – *ПР.* 1921. № 3.

³ В журнале “Летопись” были помещены отзывы Выгодского о сборнике Брюсова “Семь цветов радуги” (М., 1916) – 1917, № 1; и о кн. “Поэзия Армении” – 1917, № 2–4.

⁴ В газете “Новая жизнь” от 25 апреля (8 мая) 1917 г. см. заметку за подписью Д.В.: «В пушкинском кружке (Доклад В. Жирмунского: Баллады Брюсова и “Египетские ночи”»).

⁵ В упомянутой рецензии Выгодский писал: “Даже перелевая самого себя неоднократно, Брюсов пытается каждый раз найти новые ритмы, новые слова, новые созвучия (...) мастер еще не перестал быть учеником” (*ПР.* 1921. № 3. С. 271–272).

17. М.М. ШКАПСКАЯ – БРЮСОВУ

СПб., 17/XI 1921.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

одна из Ваших слушательниц уже вручила Вам мою книжку “*Mater dolorosa*”^{*1}. Хотя я и знаю, что Вам очень некогда писать отзывы, но я очень прошу у Вас – если не отзыва, то хотя бы несколько строк мне лично о моей книжке, п.ч. необходимо до боли – знать что она представляет собою объективированная от меня². Ведь уверенности и знания – у самого никогда не может быть. Или м.б. это приходит позднее? Мне пришлось уже много отзывов слышать о ней, но это не были отзывы “мэтра”. А ведь к Вам, Валерий Яковлевич, молодежь всегда так охотно и доверчиво идет учиться, зная, что у Вас всегда для нее есть и время и внимание.

Мой адрес – Петроград, Матвеевская ул., д. № 11, кв. 17. Марии Михайловне Шкапской. И уже одно то, что Петроград, и что Ваша студия³ – недостижима – должно внушить Вам сочувствие к обойденному судьбой автору.

Искренне преданная и бесконечно уважающая Вас

М. Шкапская

Простите за небрежный вид письма – очень уж мы, питерцы, здесь мерзнем и руки плохо слушаются.

ГБЛ. Ф. 386, 109. 7^а. Л. 1–2.

Мария Михайловна *Шкапская* (1891–1952) – поэтесса и очеркистка. Начала печататься в 1910 г.

¹ *Mater dolorosa*. Стихи. Пг: Неопалимая купина, 1921 – первый поэтический сборник Шкапской. В библиотеке Брюсова имеется эта книга с дарственной надписью: “В.Я. Брюсову автор” и с печатным обозначением: “Экземпляр Валерия Яковлевича Брюсова” (*ГБЛ.* Ф. 386. Книги. № 1481).

² О сборнике “*Mater dolorosa*” Брюсов писал в обзоре “Среди стихов”: «Безусловно плохи стихи Марии Шкапской, но дело в том, что это не столько “стихи”, сколько страницы интимного дневника, печатать которые не следовало, но которые еще не говорят против поэтических способностей автора» (*ПР.* 1922. № 2. С. 148). В отзыве о следующем сборнике Шкапской “Барабан строгого господина” Брюсов отмечал, что стихи здесь “безмерно лучше” (*ПР.* 1923. № 1. С. 75).

³ Вероятно, имеется в виду Литературная студия при ЛИТО Наркомпроса (см. п. 13, прим. 1).

* Мать скорбящая (*лат.*).

18. А.Я. ТАИРОВ – БРЮСОВУ

(Москва. 2 декабря 1921 г.)

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Очень хотел быть сегодня на чтении Вашей пьесы¹, но, к крайнему моему сожалению, лишен возможности это сделать, так как у нас вечером начинается ревизия и мне необходимо присутствовать в Театре.

Надеюсь в ближайшем будущем получить возможность ознакомиться с Вашей пьесой, которая меня очень интересует.

С искренним к Вам уважением А. Т а и р о в

Москва, 2 Декабря 1921 г.

ГБЛ. Ф. 386. 24. Л. 2. Машинопись с подписью-автографом.

¹ 2 декабря 1921 г. Брюсов читал в Московском Доме печати свою трагедию "Диктатор" (опубл.: Сов. драматургия. 1986. № 4).

19. Б.Л. ПАСТЕРНАК – БРЮСОВУ

(Москва.) 12/1 22.

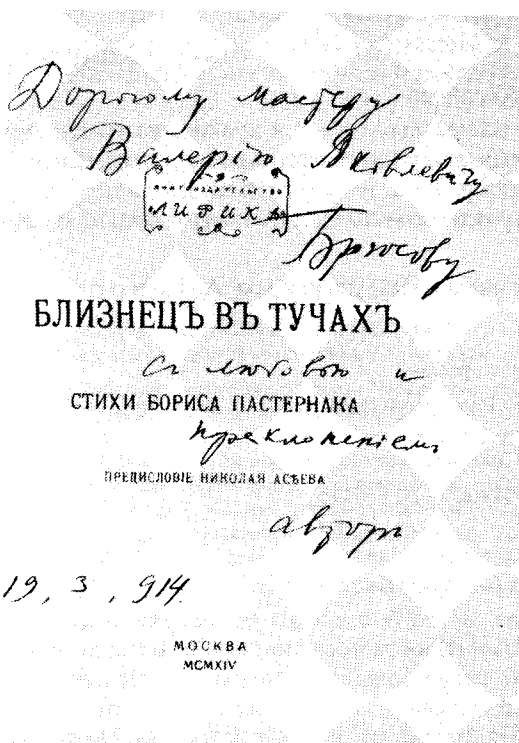
Дорогой и глубокоуважаемый Валерий Яковлевич!

Ради бога простите меня и на этот раз. Всего более меня бы огорчило, если бы Вы на меня рассердились. Всего более, в особенности после нашего разговора о форме и Вашего большого подарка¹. Конечно, будет большим уроном для меня остаться за бортом Вашего сборника² (а боюсь, что так оно и будет по спешности его и ввиду ряда обстоятельств, о которых – ниже). Мне придется об этом пожалеть. Но только не сердитесь, не сердитесь, Валерий Яковлевич, прошу Вас. В последние годы я пропитался какой-то стихией скверной безалаберности, от которой страдаю более всего и единственно я сам.

Завтра я уезжаю на неделю, другую в Петербург. Эта поездка еще большею тяжестью лежит на моей совести, нежели запоздание со стихами. И тут все просрочено до последней возможности, и "просьбы о прощеньи". Как бы то ни было, по сегодняшнему настоянию Стеф. Михайловны (секрет. изд. Гржебина) долго думал, думал, как найти выход из получившегося и вот что единственно мог надумать. Вам будет оставлен весь имеющийся в Госиздате стихотворный материал (он обнимает "Сестру мою жизнь" и все последующее)³. Распоряженья относительно этого отданы. Он вероятно в ужасном виде, сомнительно, чтобы имела нумерация страниц, и вообще, я бы никогда не решился предложить Вашему вниманию такой ералаш из опечаток и наверняка перепутанных страниц, растворенных, вероятно, до невидимости современной ремингтонною лентою, шепелявой и не произносящей наинужнейших букв. Для чего же я это сделал? Для того чтобы сделать что-нибудь. Говоря серьезно, мне придется поплатиться на этот раз и выбыть из столь завидного и показательного строя в том случае, если сдача материала действительно дело ближайших дней. Я вернусь к концу января, а м.б. и раньше. Было бы большим для меня счастьем, если бы этот срок покрылся подготовительными работами по собиранию материала, и я все-таки поспел бы со своим. От Вас я пошел тогда с радостным предвкушением той помощи, которую Вы обещали мне оказать при выборе матерьяла. С этой мечтой я не расстался, если меня не обманывает только вера в то, что через две недели мост еще не будет поднят.

С этой мечтой я не расстался, но менее всего я представлял себе, что Ваша любезность ляжет на Вас таким недопустимо-отвратительным бременем, как эта неповольительная кипа из Госиздата, которую Вам принесут. Итак?

Итак, Вам принесут ее, а Вы на нее и не глядите. Ради Бога, Валерий Яковлевич, это я по опыту говорю, ведь я ее раз мельком видел, и у меня не стало духа ее прокорректировать. Пусть она лежит у Вас, и только. Ведь надо было что-нибудь сделать.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ Б.Л. ПАСТЕРНАКА

на книге "Близнец в тучах" (М., 1914):
 "Дорогому мастеру Валерию Яковлевичу Брюсову
 с любовью и преклонением
 автор 19.3.914".

Собрание Е.Б. Пастернака, Москва

языках" (Записки ОР ГБЛ. Вып. 29. С. 239). Брюсов был редактором литературной части сборника. Издание книги не осуществлялось.

³ В Госиздате находилась рукопись 3-й и 4-й книг стихов Пастернака под общим названием "Жажда в жар". Об этой "книге стихов" и необходимости передать ее Брюсову Пастернак в тот же день писал сотруднику Госиздата П.Н. Зайцеву (см.: ГБЛ. Ф. 386, 97.38. Л. 1–106).

⁴ Яков Ефимович Шапирштейн (псевдонимы: Лерс, Эльсберг; 1901–1976) – критик и литературовед. В начале 1920-х годов был сотрудником издательства Гржебина, "ведающим, – по определению Брюсова, – всю техническую часть сборника". В брюсовском архиве сохранилась доверенность Пастернака Шапирштейну на получение из Госиздата рукописи "Жажда в жар" для передачи Брюсову (ГБЛ. Ф. 386, 97.38).

⁵ О С.П. Боброве см. наст. кн. Переписка с редакцией журнала "Печать и революция", приложение, прим. 1.

⁶ О С.Ф. Буданцеве см. п. 8, прим. 3.

⁷ Адалис (Аделина Ефимовна Ефрон) – поэтесса. Начала печататься в 1918 г. Брюсов посвятил ей несколько стихотворений. См. о ней: ЛН. Т. 85. С. 825.

Этого требовала секретарша Гржебина. Это для них. И для них – работы достаточно. Шапирштейн⁴ (так она кого-то назвала) пойдет, будет хлопотать и т.д. и т.д.

Дорогой Валерий Яковлевич, самое важное иной раз бывает трудно сказать в лицо именно в той форме, в какой это натурально. Но за глаза, Боброву⁵, скажем, или Буданцеву⁶ или Адалис⁷, это говорится у нас так: молодец Валерий! Это – про "В такие дни", как и про Верхарна. Так это говорится у моих друзей лишь еще про Белого, которого Вы не любите, и про Маяковского. Это – когда взят на всю жизнь тон идеального, вневременного возраста: роста. И неприятно, что я Вам все это так и сказал.

ГБЛ. Ф. 386, 97.37а. Л. 1–2 об.

Б.Л. Пастернака как поэта Брюсов высоко оценил еще в 1914 г. (см. ст.: Паханянц К.А. В. Брюсов и Б. Пастернак // Чтения 1973).

¹ Книга Брюсова "В такие дни" с дарственной надписью: "Борису Леонидовичу Пастернаку – автор как любимейшему поэту наших дней. 1921 31 декабря" (из семейного собрания Бориса Пастернака).

² Об этом сборнике Брюсов писал 24 января 1922 г. Ф. Сологубу: "Издательство Гржебина издаст сборник литературно-научный, который назначен для западноевропейских читателей и выйдет одновременно на нескольких

20. И.И. ЖИЖИН – БРЮСОВУ

г. Иваново-Вознесенск
18/1 – 22 г.

Валерий Яковлевич!

Простите за навязчивость. Как редактор имеющегося в Иваново альманаха "Начало"¹, а также и от лица группы местных поэтов решил обратиться к Вам с этим письмом. Осчастливьте наше издание своим участием в нем, если это, конечно, не

противоречит Вашим взглядам и отношениям вообще к провинциальным изданиям. Пришлите хотя несколько дорогих для нас строк. Это будет для нас большим событием.

Посылаю Вам первый номер альманаха. Второй № уже сдан в набор и печатается. Размер его будет до 10 печ. листов. Участвуют столичные литературные силы².

В ином случае не откажите черкнуть несколько слов о том, можно ли иметь счастливую надежду на получение от Вас если не для № 2, то для последующих №№ какого-нибудь материала³.

С сердечным приветом **Ив. Ж и ж и н.**

P.S. Простите, если тон и стиль письма покажется Вам чем-нибудь обидным. Мало с кем переписываюсь, а потому и не умею писать писем.

Адрес: гор. Иваново-Вознесенск, Лито Губполитпросвета.
Редакция альманаха "Начало". **И.И. Жижину.**

ГБЛ. Ф. 386, 85.57. Л. 1–2.

Поэт Иван Ипатьевич *Жижин* (1892–1933) в годы гражданской войны входил в Кружок пролетарских поэтов при газете "Рабочий край" в Иваново-Вознесенске. В 1921 г. творчеством этих поэтов заинтересовался, по рекомендации М. Горького, В.И. Ленин.

¹ Вышло всего два номера альманаха "Начало": № 1 – в 1921 г., № 2–3 (сдвоенный) – в 1922 г. Первый номер "Начала" был послан В.И. Ленину и сохранился в его кремлевской библиотеке.

² В альманахе, кроме ивановцев, печатались А. Неверов, П. Низовой, С. Городецкий, С. Клычков, В. Казин, В. Нарбут, Н. Мецераков, А. Воронский и др.

³ Брюсов в альманахе "Начало" не участвовал.

21. БРЮСОВ – Х.Н. ХЕРСОНСКОМУ

(Москва.) 10 февраля 1922 г.

Уважаемый тов. Херсонский

Согласно со своим обещанием посылаю Вам для "Известий" статью о Пушкине¹. Надеюсь, что она не превышает условленных размеров: в ней немногим больше 10 000 знаков, что при 40 знаков в строке составит именно 250 строк, может быть, строк на 5–10 больше. Написать короче я не мог. И так есть в статье места, которые от стремления к краткости обратились почти в каталог. Что ни сказать о Пушкине, все – тема огромная, сжимать которую страшно трудно.

Уважающий Вас Валерий Брюсов.

ЦГАЛИ. Ф. 2740. Оп. 1. Ед. хр. 131.

Хрисанф Николаевич *Херсонский* (1897–1968) – журналист, театральный критик и драматург, в то время сотрудник редакции "Известий".

¹ Статья "Разносторонность Пушкина" – Известия. 1922. № 34. 12 февр.

22. БРЮСОВ – Н.К. ПИКСАНОВУ

(Москва.) 22. VI, 22.

Уважаемый Николай Кириакович!

Как ни стыдно сознаваться, но я в своих тетрадях пока не мог разыскать списка "Горя от ума"¹. Найду непременно и доставлю Вам. Пока очень прошу Вас принять маленькую старинную тетрадку, которая, м.б., покажется Вам не совсем безынтересной², – а также две моих книжки³, одну (оттиск "Е(гипетских) н(очей)") не откажите передать **Ив.Ив. Гливенко**⁴.

Ваш Валерий Брюсов.

ИРЛИ. Ф. 496. Здесь хранятся 5 писем Брюсова к Пиксанову.

¹ В Грибоедовском собрании Пиксанова насчитывается 63 списка комедии "Горе от ума". Возможно, что какой-то из них и был получен от Брюсова, однако нет никаких сведений, подтверждающих это.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ В. БРЮСОВА

на книге "Египетские ночи" (М., 1916):

"Николаю Кириаковичу Пиксанову на строгий суд – сей опыт уже давнего, для меня, прошлого.
Валерий Брюсов. Июнь 1922"

Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

² Несомненно, речь идет о рукописной тетрадке (малая четверка, 16 листов) с беловыми автографами стихотворений И.И. Дмитриева, хранящейся в архиве Н.К. Пиксанова (ф. 496, № 37, поступление 1979 г.). На титуальном листе ее имеется дарственная надпись И.И. Дмитриева: "Именинный подарок любезному брату Платону Петровичу Бекетову. Москва, 1807 г., ноября 18 дня". После смерти Бекетова, двоюродного брата Дмитриева, рукопись оказалась у М.Н. Лонгинова. По ней в 1867 г. Лонгинов опубликовал несколько стихотворений, неизвестных ранее. По предположению В.П. Степанова (см. его статью "Заметки о В.Л. Пушкине" в сб.: Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1983. Т. 11. С. 250–267), эта тетрадка от Лонгинова попала к П.И. Бартеневу, у которого, как известно, в 1900–1902 гг. Брюсов был помощником по изданию "Русского архива". Бартнев помогал Брюсову в составлении его собственной коллекции автографов (см.: Там же. С. 251). Здесь же на титуле и дарственная надпись Брюсова: "Уважаемому Николаю Кириаковичу Пиксанову, в руках которого эта книжка окажется полезнее, чем в моих. 1922 г. Валерий Брюсов". По-видимому, Брюсов имел в виду то обстоятельство, что Пиксанов был автором статьи о В.Л. Пушкине в "Русском биографическом словаре", а тетрадка Дмитриева начиналась с "Путешествия Василия Львовича в Париж и Лондон" (Там же. С. 252).

³ Имеются в виду: *Брюсов В.* Египетские ночи: Поэма в 6-ти главах. Обработка и окончание поэмы А. Пушкина (оттиск из кн. 1 альманаха "Стремнины"). М., 1916 (с дарственной надписью: "Николаю Кириаковичу Пиксанову. На строгий суд – сей опыт уже давнего, для меня, прошлого. Валерий Брюсов. Июнь 1922"); *Брюсов В.* В такие дни: Стихи, 1919–1920. М.: Госиздат, 1921 (с дарственной надписью: "Уважаемому Николаю Кириаковичу Пиксанову дружески, пушкинисту и сотоварищу по работам. Валерий Брюсов. Июнь 1922. Москва" – ИРЛИ. Ф. 496).

⁴ См. п. 14, прим. 6.

23. Б.Л. ПАСТЕРНАК – БРЮСОВУ

Петроград, 15/VIII 1922

Дорогой Валерий Яковлевич!

Если бы я попросту и запросто собирался к Вам все то долгое время, что я мечтал о посещении Вас, ссылка на многочисленные помехи, тому препятствовавшие, не имела бы смысла. Находил же я время, между дел, для встреч с приятелями, для чего хотите, и среди последнего, в первую голову, для мечтаний о *настоящей* встрече с Вами. Вот эта-то мечта совсем особенная и сообщила препятствиям характер непреодолимости, которого у них на деле не было. Встреча с Вами должна была, по мысли моей и по чувству, быть отчетной и исчерпывающей, ей должен был быть посвящен целый день, в том смысле, – что часу, который бы Вы разрешили мне провести с Вами, не должно предшествовать ничего отвлекающего и ничто постороннее и озабочивающее за ним не должно было следовать. Таким мыслился мне этот, – гадательный и теперь уже утраченный день в меру той нешуточно глубокой признательности, вне и без которой я не могу и никогда не смогу сделать ни одного Вам навстречу шага. Вы склоняете к простоте и короткости в обращении, – склонили многих и не таких,

ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ

МИГ

Изд. 34. Пржебсина
Лейпциг-Берлин

1922

Дорогому
Борису Леонидовичу
Пастернаку

от горячего
поклонника его поэзии

Валерий Брюсов

1922

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ В. БРЮСОВА

на книге "Миг" (Пб.-Берлин, 1922):

"Дорогому Борису Леонидовичу Пастернаку от горячего поклонника его поэзии
Валерий Брюсов 1922"

Собрание Е.Б. Пастернака, Москва

как я, – склонился бы к этому и я, – да Вы тут верно непричем. Вероятно, эта моя признательность глубже хорошей учтивости, – и по-видимому поток этой благодарности, всплывающей при всякой моей мысли о Вас, направлен столько же к Валерию Яковлевичу, сколько и к Брюсову, к поэтической силе высокой (по размерам и по степени) заразительности, [к примеру], к родной и вместе с тем – старшей стихии, которая сначала – помощью заочной заразительности сложила тебя и как бы вызвала к существованию, затем – тебя заметила и тебя назвала – и наконец – (как кажется многим) – в деле рук своих и в своем предвидении оказалась правой. Если бы я сказал, что сплошь и целиком – ученик Ваш, что я вышел из Вас – так, как из Вас вышли Гумилев, Ходасевич и многие – это было бы лестью, это было бы неправдой. И это было бы приниженьем той правды, которая меня с Вами связывает, которую я горжусь и которая многим значительнее зависимости от Вас упомянутых. Если у индивидуальности есть лицо и если оно – целостно, то в любой из эмоциональных плоскостей этой индивидуальности (любвонной, волевой, творческой и пр.) – обязательно имеется *другое* человеческое лицо, к которому целостность первого восходит как к своему началу, и в присутствии которого лицо индивидуальности – потрясается, освещается, собирается воедино.

Таким лицом в сфере моих художественных, артистических, мужественно творческих чувствований, в сфере ощущения поэта в себе – являетесь Вы. Это трудно объяснить, Валерий Яковлевич, и значило бы стать вовсе фантастичным, если бы, воспользовавшись подобным определением, я бы просто, аналогичуя приемы уравнивательные, выразился алгебраически и безапелляционно: больше всего я Вам благодарен за то, что, кажется, не подражав Вам – иногда чувствую Брюсова в себе – это тогда, когда я чувствую над собою, за собою и в себе – поэта.

Странность этого ощущения богата следствиями и производными. Так, напр., при всяком внешнем успехе – я радуюсь ему и им горжусь. Радость оставляю про себя как нечто интимное, детское и приватное. Гордость же по этому странному балансу целиком отписывается Вам. Знайте, Валерий Яковлевич, что никогда я не горжусь собою, но всегда тем, что Брюсовское дело (поэзия порывистая и выразительная, нескоро стирающаяся) преуспевает, идет от признанья к признанью.

Так, тут, например, в Петербурге сильно и крупно выделил мою прозу (напечатанную) в “Наших днях”) Мих. Ал. Кузмин, поставив ее выше Белого и Ал. Толстого, не говоря уже о Пильняке и Серапионцах¹. И – объясните это мне, Валерий Яковлевич, – я *порадовался* за Вас, вспомнив Ваши вкусы, ваши заказы и заветы литературе, Ваших друзей и уклоны, Вам не улыбающиеся. И когда я уже так близок был к отъезду, что казалось не оставалось уже надежды поспеть к Вам, я все-таки твердо верил, что Вас увижу – и вот подробности: ко мне зашел брат Софьи Парнок² – Валентин Парнах³. – На моей совести большой грех: его книжка, надписанная Вам, пролежала у меня несколько месяцев. Последнее время, по выходе “Сестры моей жизни”⁴, я положил Парнахову книжку с Вашим экземпляром “Сестры” рядом. Парнаху я его книги, Вам предназначенной, не отдал, уверив, что отнесу вместе со своей. Это было уже накануне отъезда. Я все еще надеялся. Но вот не пришлось. Не пришлось оттого, конечно, что я не умею жить, ибо уметь жить (в *лучшем* смысле этого слова) в том и заключается, чтобы уметь делить время между важным и неважным, существенным и насущным, важного и существенного этим дележом не ущербляя и не профанируя.

Кончилось тем, что я обе книжки увез с собою в Петроград. Теперь с пути (я еду за границу) посылаю их Вам по почте.

Я еду в Германию на полгода или на год, если удастся⁵. Еду работать.

То же неумение жить не дает мне возможности поделить время между работой и не-работой, как того требует Москва. Оттого и еду. Я знаю, что внешне – порчу себе, т.к. несомненно меня в мое отсутствие так же быстро покатают вниз, как вкатили, меня не спрашиваясь, наверх, – на высоту вполне условную, еще не заслуженную и малоопытную. Сделают это “молодые”, т.е. те, из которых (представьте себе!) некоторые пишут кровным моим тоном, вовсе этого за собой не зная и не выдав “Сестры”, благодаря вторичным – горизонтально-круговым заимствованиям друг у друга. Живой пример. Некий Цветнов в Москве приходит ко мне и аттестуется: “юный земли поэт” – передайте, пожалуйста, эти мои стихи Есенину, если увидите, – я крестьянский поэт – его, мол, десятка. Потом развертываю – живая “Елена”⁶, другое – того чище, т.е. в такой степени, в какой я бы этого ни о ком не сказал!

А Вам, Валерий Яковлевич. – Неловко, право, всерьез говорить с Вами об этом новом “мастерстве”. Две-три тощие тетрадки. Вам вот что скажу. Честное слово, я не придаю этим удачам никакого значения, кроме одного только. Что я на верном, кажется, пути, и что на нем нельзя останавливаться.

Меня очень удовлетворил отзыв Городецкого о Ваших новых книгах (в “Известиях” – июль, кажется). Хотя подход мне не свойственный и – слегка поверхностный, все же сознание серьезности задачи – налицо, и должная оценка разбираемого дана в *тоне* разбора.

Перед самым отъездом вызвал меня к себе Троцкий. Он более получаса беседовал со мною о предметах литературных, жалко, что пришлось говорить главным образом мне, хотелось больше его послушать, а надобность в такой декларативности явилась не только от двух-трех его вопросов, о кот(орых) – ниже; потребность в таких изъяснениях вытекала прямо из перспектив заграничных, чреватых кривотолками, искажениями истины, разочарованиями в совести уехавшего.

Он спросил меня (ссылаясь на “Сестру” и еще кое-что, ему известное) – отчего я “воздерживаюсь” от откликов на общественные темы. Вообще он меня очаровал и привел в восхищение, надо также сказать, что, со своей точки зрения, он совершенно прав, задавая мне такие вопросы.

Ответы и разъяснения мои сводились к защите индивидуализма истинного, как

новой социальной клеточки нового социального организма. Проще: я начал с *предположительного* утверждения того, что я – современен, и что даже уже и франц(узские) символисты, как современники упадка буржуазии, тем самым принадлежат нашему времени, а не истории мещанства: если бы они с мещанством разделяли его упадок – они мирились бы с литературой периода Гюго и молчаливо-удовлетворенно погибали – а не остро чувствовали и творчески себя выражали. Я ограничился общими положениями и предупреждениями относительно будущих своих работ, задуманных еще более индивидуально. А вместо этого мне м.б. надлежало сказать ему, что “Сестра” – революционна в лучшем смысле этого слова. Что стадия революции, наиболее близкая сердцу и поэзии, это – утро революции и ее взрыв, когда она возвращает человека к *природе* человека и смотрит на государство глазами *естественного* права (американская) и французская декларации прав), выражены этой книгой в самом духе ее, характером ее содержания, темпом и последовательностью частей и т.д. и т.д. Очевидно, придется как-нибудь написать об этом.

До свиданья, дорогой Валерий Яковлевич – и еще раз – горячо Вас за все, что Вы из меня и для меня сделали, – благодарю. Не разочаровывайтесь во мне, как части Вашего собственного дела, если (по некоторым соображениям) внешняя судьба теперь изменит мне. Не знаю, отчего я об этом заговариваю и м.б. ошибаюсь. Однако больно мне будет перестать “гордиться Брюсовым” – как выше, – хотя бы на время. Я напишу Вам еще из-за границы, где на первых порах остановлюсь на Fasanenstrasse 41, Pension Fasaneneck Berlin W.

Крепко жму Вашу руку. От души желаю Вам всего лучшего и побольше счастливых досугов.

До свиданья

Любящий Вас Б. Пастернак

15/VIII. Петроград.

ГБЛ. Ф. 386, 97.376. Л. 1–9об.

Опубл.: Россия // Russia, 3 Torino. Giulio Einaudi Editore. 1977 – в составе статьи Е.В. Пастернак. “Пастернак и Брюсов. К истории отношений”.

За время нахождения данного тома в производстве появилось в книге: *Пастернак Б. Из писем разных лет*. М., 1990. С. 11–14. (Библиотечка “Огонек”; № 6).

¹ О повести Пастернака “Детство Люверс”, напечатанной в альманахе “Наши дни”, кн. 1-я (М., 1922), М. Кузмин писал в статье “Говорящие” (Жизнь в искусстве. 1922. № 31), вошедшей затем в его книгу “Условности. Статьи об искусстве” (М., 1923).

² Софья Яковлевна *Парнок* (1886–1933) – поэтесса и переводчица. Первая ее книга – “Стихотворения” – вышла в 1916 г. В 1920-е годы примыкала к группе “Лирический круг”.

³ Речь идет о книжке стихов: *Парнах В.* Карбакается акробат. Париж: изд-во “Франкорусская печать”, 1922. Экземпляр с дарственной надписью: “Валерию Яковлевичу Брюсову почтительный дар автора. 25 – III – 22. Pension Hager. Motzstr. 37. Berlin W” – ГБЛ. Ф. 386. Книжки, № 1242.

⁴ Книга Пастернака “Сестра моя жизнь” вышла в начале мая 1922 г.

⁵ Пастернак уехал в Германию 17 августа 1922 г., вернулся 23 марта 1923 г.

⁶ “К Елене” – название цикла стихотворений в сборнике “Сестра моя жизнь”. Первое из них названо “Елена”.

⁷ *Городецкий С.* Алый вечер // Изв. ЦИК СССР. 1922. № 41. 28 июня.

24. П.Н. САКУЛИН – БРЮСОВУ

(Москва. 28 сентября 1922 г.)

Глубокоуважаемый Валерий Яковлевич,

Настоящим предметная комиссия славяно-русской филологии Ф.О.Н. 1-го Московского Государственного Университета просит Вас сообщить, не возьмете ли Вы на себя чтение курса “Новейшая русская* Литература” для этнолого-лингвистического и литературно-художественного отделений Ф.О.Н. с 1-го же триместра настоящего учебного года.

* Зачеркнуто написанное А. Цейтлиным “современная”.

Комиссии вообще необходимо иметь *точные* сведения о предполагаемых Вами курсах и семинариях.

Председатель комиссии
славяно-русской филологии
П. Сакуллин
Секретарь Алек. Цейтлин.

Адрес для ответа:
Смоленский бульвар, Глазовский пер., д. 5, кв. 16,
Павлу Никитичу Сакулину
28 сентября 1922 г.

ГБЛ. Ф. 386, 101.38. Л. 10. Написано рукой А.Г. Цейтлина, с подписью и вставками Сакулина (последняя фраза и текст адреса для ответа).

¹ Брюсов читал в I МГУ лекционные курсы по истории древнегреческой литературы (1921/22 уч. г.), по истории римской литературы эпохи империи (1923/24 уч. г.) и по истории новейшей русской литературы (1922/24 уч. г.)

25. БРЮСОВ – Н.К. ПИКСАНОВУ

(Москва) Воскресенье
4 марта 1923. Ночь.

Многоуважаемый Николай Кириакович!

Когда в субботу я говорил Вам, что статья написана¹, – то была правда. Но когда в воскресенье я стал ее просматривать, оказалось, что там и сям надо одно добавить, другое выпустить, третье изменить. Короче, сегодня я весь день провозился с ней, и для “Печати и Р”, увы, не написал ничего² (как и для Главпрофобра³, где завтра ждут некоего обстоятельного “доклада” и статьи для какого-то “Вестника”). Короче, Вы получите мою статью только завтра, – для Вас “сегодня”, в понедельник, надеюсь – рано утром. Извиняюсь, что статья написана весьма скорописью: переписывать, конечно, времени не осталось. Но потому самому есть в ней недочеты и в стиле, если бы Вы могли дать корректуру, это было бы благодеянием⁴. Оную корректуру не задержу дольше одного вечера: порука – все редакции в мире, посылавшие мне свои гранки. В этом я очень тверд.

Желаю Вам доброго здоровья и охоты писать, а еще – чтобы у Вас явилось желание исполнить мою давнюю просьбу: начать профессорствовать у нас в Институте⁵. Можно на это надеяться?

Ваш Валерий Брюсов

ИРЛИ. Ф. 496. На бланке “Московский литературно-художественный кружок” (исправлено: институт).

¹ Речь идет о статье “Пушкин-мастер” для издания Пушкинской комиссии Общества любителей российской словесности “Пушкин. Сборник первый” (М.: Гиз, 1924). Пиксанов был председателем Пушкинской комиссии ОЛРС и редактором этого сборника. Рукопись статьи (15 л., с небольшой правкой Брюсова) Пиксанов подарил Пушкинскому Дому с дарственной надписью: “В дар Пушкинскому Дому в день юбилея Академии от Н. Пиксанова. 5.IX.1925” (ИРЛИ. Ф. 444. № 26. Л. 1).

² См. наст. кн., Переписка с редакцией журнала “Печать и революция”, п. 8, прим. 2 и 3.

³ Главпрофобр – Главный комитет профессионального образования Наркомпроса. Брюсов был помощником, затем заведующим отдела художественного образования, а после реорганизации Главпрофобра – заведующим методической комиссией отдела художественного образования.

⁴ 5 марта 1923 г. Пиксанов ответил Брюсову: “Благодарю Вас за статью. Корректра будет прислана Вам непременно. Посылаю в подарок свою статью. С приветом Н. Пиксанов” (ГБЛ. Ф. 386, 98.30. Л. 7). Брюсову была послана, вероятно, статья “Новый путь литературной науки” (оттиск из журнала “Искусство”, 1923, № 1). Оттиск с дарственной надписью автора имеется в библиотеке Брюсова (ГБЛ. Ф. 386. Книги, № 1268).

⁵ Пиксанов начал преподавать в ВЛХИ с 1923/1924 учебного года. Читал курс “Марксистский метод в литературе” и историю русской литературы (литература после Гоголя) (см.: Брюсов В. Высший литературно-художественный институт // Журналист. 1923, № 8. нояб.-дек. С. 24).

26. К.И. ЧУКОВСКИЙ – БРЮСОВУ

Моховая 36, Петроград.
(Декабрь 1923)

Дорогой, глубокоуважаемый
Валерий Яковлевич!

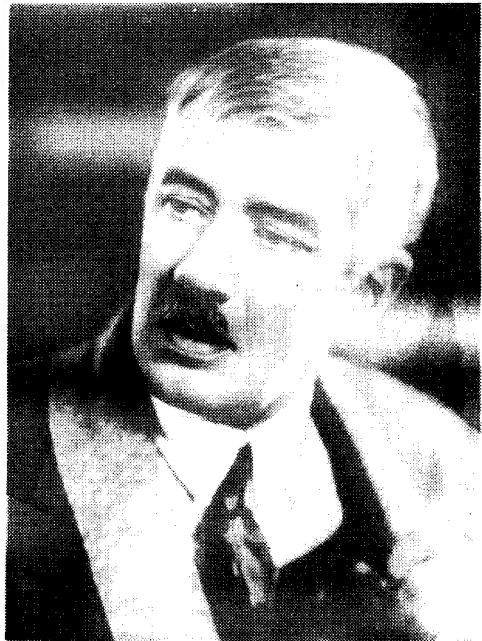
Ни один писатель не сделал для меня столько, сколько сделали Вы, и я был бы неблагодарнейшим из неблагодарных, если бы в день Вашего юбилея не приветствовал Вас. Не Ваша вина, если я, ученик, не оправдал Ваших усилий, но я никогда не забуду той настойчивой и строгой заботливости, с которой Вы направляли меня на первых шагах.

Я смолоду привык преклоняться перед Вашим поэтическим подвигом, и не изменил этой привычки до сих пор. Как и в дни моей молодости, имя Валерий Брюсов – для меня прекрасное имя, которым все мы пишущие вправе гордиться.

Ваш Ч у к о в с к и й.

ГБЛ. Ф. 386, 107.44. Л. 28. Датируется по содержанию (послано к юбилею Брюсова).

Писатель и критик Корней Иванович Чуковский (1882–1969) начал сотрудничать с Брюсовым в 1904 г. «Ни об одном писателе моего поколения, – свидетельствует Чуковский, – я не вспоминаю с таким чувством живой благодарности, с каким вспоминаю Валерия Брюсова. Его журнал “Весы” был первым журналом, где я, двадцатилетний, стал печататься. Брюсов выволок меня из газетной трясины, затягивавшей меня с каждым днем все сильнее, приобщил к большой литературе и руководил мною в первые годы работы» (Чуковский К. Из воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1959. С. 431). 26 писем Брюсова к Чуковскому (1906–1922) напечатаны в названной книге. Ряд писем Чуковского к Брюсову опубликован в журналах: *ВЛ*. 1972. № 1; *Звезда*. 1972. № 8.

К.И. ЧУКОВСКИЙ

Фотография. 1920-е годы

Институт мировой литературы им. А.М. Горького,
Москва

27. В.М. ФРИЧЕ – БРЮСОВУ

(Москва. 16 декабря 1923)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Ужасно жалею, что не могу присутствовать на Вашем торжестве.

Неделя совершенно бессонных от переутомления ночей привела к тому, что субботы я – обессиленный – свалился.

Мне лично было бы особенно приятно приветствовать Вас, и вот почему.

Как-то особенно ярко встает сейчас в памяти прошлое – наши студенческие годы. Помните наш студенческий литературный кружок¹ – наши собрания – часто – у Вас на квартире на Цветном бульваре – наши споры и наши “симпозионы”. Вижу ясно, как будто это вчера, как Вы читаете доклад о “Ринальдо” Т. Тассо², слышу ясно, как Вы читаете стихи, которые потом появлялись в маленьких книжках в розовой обложке, все еще звучат в ушах моих – “Серебро, огни и блески, целый мир из серебра”³ или “Весь город в серебряном блеске от блеска серебряных крыш, и там на моей занавеске повисла летучая мышь”⁴, или “На всей земле не спим мы двое”⁵, или “На шумящей Гвадаяме”⁶ (впрочем, здесь я, кажется, уклонюсь от подлинника).

Все это – и еще много других эпизодов – встает сейчас в памяти особенно выпукло, и потому мне было бы особенно приятно приветствовать Вас от имени университета — (хотя не мне это поручено) – Вас, участника этого студенческого кружка, ставшего преподавателем университета.

Если бы здоровье мне позволило, я постарался бы сегодня, когда Вы услышите много лестных слов о Вашей деятельности как ученого и поэта, выявить, какое большое значение – воспитательное и поучительное – имеет Ваш образ для современных поколений. К сожалению, чувствую себя так плохо, что с трудом написал Вам это письмо и – приветствие от научно-исследовательского института⁷.

Крепко жму Вашу руку.

Ваш В. Ф р и ч е

ГБЛ. Ф. 386, 106.47. Л. 18–18об. Датируется по упоминанию о торжестве “сегодня” – юбилейном чествовании Брюсова в Российской Академии художественных наук 16 декабря 1923 г.

¹ Общество любителей западной литературы (см. о нем наст. том, кн. 1, Переписка с Курсинским, п. 10, прим. 2).

² Поэма Торквато Тассо “Ринальдо” (1562). Других сведений об этом докладе Брюсова не сохранилось.

³ Первые две строки из стихотворения “Первый снег” (1895), вошедшего в сб. *ChdO 1* под заглавием “У окна” (I, 79).

⁴ Неточная цитата из стихотворения “Летучая мышь” (1895, *ChdO 2*; I, 82).

⁵ Источник цитаты не установлен.

⁶ Искаженное название стихотворения “На журчащей Годавери” (1894, *ChdO 1*; I, 67).

⁷ Приветствие от Научно-исследовательского института языка и литературы (при факультете общественных наук I МГУ) – см.: ГБЛ. Ф. 386, 111.24.

28. В.Г. ШЕРШЕНЕВИЧ – БРЮСОВУ

(Москва. 17 декабря 1923 г.)

Дорогой Валерий Яковлевич!

Простите за то, что я совершенно сознательно не явился на Ваше чествование в Большой Театр¹. Я очень не люблю публичных торжеств. Смею Вас уверить, что Ваш юбилей для меня значительно дороже, чем для многих из тех, кто присутствовал официально на чествовании.

Разрешите мне, Валерий Яковлевич, от всего сердца поздравить Вас как с юбилеем, так и с теми подарками, которые Вам даны в этот день от имени Совнаркома².

Мне очень грустно, что уже долгое время мы в силу литературных условий оказываемся как бы по две стороны баррикад искусства. Но даже при этом положении я ни одной секунды не забываю, что только Вы и Ваше искусство помогли мне выучиться писать стихи. Мне очень горько, что среди целого ряда Ваших учеников я оказался в положении одного из наиболее Вами нелюбимых, но и это нисколько не меняет моего чувства глубокой признательности и искренней любви к Вам. Тем с большей внимательностью я всегда относился ко всем Вашим устным и письменным критическим замечаниям обо мне в частности и о русской поэзии вообще, хотя зачастую не соглашался с ними.

Позвольте еще раз пожелать Вам всего самого светлого и лучшего.

Еще более обидно мне, что в эти дни, дни Вашего торжества, как человека и поэта, некоторыми газетами поднята совершенно непристойная демагогическая травля Вас на почве обиженного самолюбия Серафимовича³.

Мне очень не хочется, чтобы это письмо, среди целой груды поздравительных, утомило Вас. Поэтому я кончаю его, уверяя Вас, что это письмо совсем не поздравительное, а искреннее.

Передайте мой привет и поздравления Жанне Матвеевне.

Ваш преданный Вад. Ш е р ш е н е в и ч

17/XII 23.

ГБЛ. Ф. 386, 108.24. Л. 18–19.

¹ Торжественное публичное чествование Брюсова в Большом театре по случаю 50-летия со дня рождения состоялось 17 декабря 1923 г.

² Имеется в виду грамота Президиума ВЦИК, врученная поэту на юбилейном вечере членом Президиума ВЦИК П.Г. Смидовичем.

³ Когда накануне юбилея нарком просвещения возбудил ходатайство перед Президиумом ЦИК СССР о награждении Брюсова орденом Трудового Красного Знамени и присвоении ему звания народного поэта республики, с возражениями против этого предложения выступил ряд литераторов, преимущественно “напостовской” ориентации, в том числе Л. Авербах, Л. Сосновский, Демьян Бедный (Вечерняя Москва. 1923. № 8. 14 дек.). Серафимович официально в этих выступлениях не участвовал.

29. БРЮСОВ – М.Л. ЛОЗИНСКОМУ

(Москва. 16 марта 1924 г.)

Многоуважаемый т. Лозинский!

Хотя и с большим опозданием, хочу сердечно поблагодарить Вас за то внимание, с каким Вы отнеслись к моему переводу Эдгара По¹. В свое время я просил А.Н. Тихонова² передать Вам мою благодарность и надеюсь, что он исполнил мою просьбу.

Как Вы, может быть, видели по корректурам, я воспользовался почти всеми Вашими указаниями, так как не мог не признать их справедливости. В некоторых случаях, впрочем, было простое недоразумение. Так, напр., в “Черве Победителя”, “стену” было просто ошибкой переписчика, вместо моего “сцену”; в “Аль-Аараф”, моя собственная ошибка при переписке (не понимаю, как я ее сделал) конечно, не “квадратна”, а “квадрантом”! – Это, может быть, плохо, неточно, но не нелепо. Не мог я исправить “гемм”: пришлось бы слишком многое переделывать; пусть же это слово получит и по-русски более широкое значение. “Некто, кто...” – по-моему, возможно. Вот и все, что осталось неисправленным.

Но напрасно Вы не указали мне многих других недостатков перевода, которые, конечно, бросились Вам в глаза. Перечитывая свои переводы в корректуре, я с отчаянием убедился, как еще много, бесконечно много в них слабых мест. Особенно в старых переводах: – “Ворон”, “Улалюм” (я поставил, по Вашему, “Юлалюм”, но не вернее ли: “Элалюм?”), “К Анни” и мн. др.! Кое-что я поправил, напр., “Энни” вместо “Анни” и др., но, конечно, лишь кое-что. Чтобы исправить все, что я заметил, пришлось бы проработать еще год, а то и два, три! – следовательно, пока отказаться от издания. Но меня все эти недостатки все же теперь очень мучат. Авось, доживу до 2-го издания!

Во всяком случае еще раз прошу Вас – примите всю мою признательность за Вашу работу и ценные для меня Ваши советы, которые во многом натолкнули меня и на дальнейшее исправление моего перевода.

С дружеским уважением Валерий Брюсов

16 марта 1924.

М.Л. ЛОЗИНСКИЙ

Фотография. 1924

Собрание И.В. Лозинской. Ленинград

Из архива М.Л. Лозинского, хранящегося у И.В. Платоновой-Лозинской. Ответ на письмо Лозинского от 1 февраля 1924 г. (ГБЛ. Ф. 386, 92.31. Л. 9–10).

Михаил Леонидович Лозинский (1886–1955) – поэт, переводчик. В качестве секретаря редакции журнала “Аполлон” обращался в 1914–1916 гг. с письмами к Брюсову. С первых послеоктябрьских лет вел (в

издательстве “Всемирная литература”) работу над переводами крупнейших произведений зарубежной литературы.

¹ В письме к Брюсову от 1 февраля 1924 г. Лозинский сообщил ему свои замечания о рукописи отданной в набор книги: *По Э. Полн. собр. поэм и стихотворений / Пер. и предисл. Валерия Брюсова с критико-библиогр. коммент. (Всемирная литература). М.; Л.: Госиздат, 1924.*

² Александр Николаевич Тихонов заведовал издательством “Всемирная литература”.

30. М.Л. ЛОЗИНСКИЙ – БРЮСОВУ

(Ленинград.) 5.IV.1924.

Многоуважаемый Валерий Яковлевич,

Я был очень тронут Вашим письмом и тем вниманием, с которым Вы отнеслись к моим замечаниям относительно Вашего перевода Э. По¹. Не скрою, что я отсылал их не без смущения, памятуя, что летом 1922 г. мой объемистый трактат о Вашем переводе Верхарна, Вам направленный², остался без ответа и, по-видимому, не был удостоен внимания. А он был тщательнее составлен, чем скромные *marginalia** на переводе Э. По.

Если судьба моих соображений касательно Верхарна и повлияла на объем моих теперешних заметок, то лишь в малейшей степени. Я никак не могу разделить Ваших сомнений относительно выдающихся достоинств последнего Вашего труда, который, конечно, должен быть признан трудом важным³.

Эти сомнения только лишний раз изобличают в Вас строгого судью, и, как таковому, разрешите мне препроводить Вам, одновременно с этим письмом, мой перевод “Эриний” Леконт де Лиля⁴, которого у Вас, вероятно, нет, с просьбой уделить ему час внимания и прочесть его, раскрыв для сличения, где вздумается в двух-трех местах французский текст. Если бы Вы нашли еще пять минут, чтобы сообщить мне Ваше мнение о моей работе, я был бы Вам искренне признателен.

Уважающий Вас М. Л о з и н с к и й.

ГБЛ. Ф. 386, 92.31. Л. 11–12.

¹ См. п. 29.

² Лозинский в качестве рецензента издательства “Всемирная литература” ознакомился с брюсовским переводом “Поэм” Верхарна. 27 июля 1922 г. он отправил Брюсову обширное письмо со своими замечаниями (см.: ГБЛ. Ф. 386, 92.31. Л. 3–8).

³ Впоследствии Лозинский дал более суровую оценку брюсовских переводов Э. По.: «Поэмы и стихотворения Эдгара По – несомненно слабейшее из всего переводного наследия Брюсова. Читая эту книгу, с грустью убеждаешься, что она создавалась в тот период, когда поэта уже покинула “певучая сила” его лучших лет. Это поистине – “стук сыпаемых в яму костей”. Серафические звуки По обратились в трудно усвояемый набор слов. Одинокой лампадой горит стихотворение “К. Елене”, озаряющее жуткий сумрак этих страниц» (из доклада Лозинского “Валерий Брюсов”, прочитанного, вероятно, на одном из заседаний в издательстве “Всемирная литература”. – Лит. архив М.Л. Лозинского, хранящийся у И.В. Платоновой-Лозинской).

⁴ “Эринии” – “античная трагедия” французского поэта Леконта де Лиля, вышедшая в переводе Лозинского (Пб.: Петрополис, 1922).

31. И.И. ШЕВЦОВА – БРЮСОВУ

(г. Изюм Харьковской губернии.)

Апреля 14–1924 г.

В.Я.!

Вы меня не знаете, я Вас никогда не увижу, хотя так мечтаю об этом! И страшно буду благодарна, если Вы найдете чуточку терпенья дочитать-это письмо. Начну от печки: мне 20 лет, живу с родителями в глухом городишке, хожу на базар, поливаю

* Заметки, помещенные на полях книги или рукописи (*лат.*).

цветы, пишу стихи и думаю о Вас. Вот и все. Да, еще зовут Ирой. А дни идут, идут... “Словно льются воды медленно во тьму”¹. Как хорошо Вы это сказали! Кажется, я б утопилась если бы не... собственное стихоплетство, к которому пристрастилась с 5 лет и которое создает мне интерес в жизни. Если... если Вы мне напишете хоть 2 строчки, я, кажется, сойду с ума от радости... но если заставите разочароваться – тоже сойду с ума. Значит, один конец. Хотя, знаете, и смерть-то одна, но всегда можно предпочесть одно умирање – другому.

Господи, какие я глупости пишу! и Кому! Теперь можно, наверное, сказать, что полетит сие письмо в корзинку под стол безвозвратно и... конец моим мечтам.

Хотелось бы написать, каким я Вас себе представляю, но боюсь окончательно надесть, и вообще еще много-много толпится мыслей в голове...

И перечитать письмо боюсь, кабы знали Вы, как страшно *мне* писать *Вам!*..

Вот 2 моих стихотворения.

Отчего Вы такая надменная
В этом платье кисейно-прозрачном,
Как царевна татарская пленная,
Как невеста в наряде брачном...
Отчего, надевая суконное,
Вы теряете гордую маску,
Загораются взоры холодною,
Но чарующе сильною лаской?

А когда же Вы, крошка наивная,
Увлекаясь Шекспирами, Дантами,
Напевае песни старинные,
То – передничек с алыми бантами.
Но Ваш муж, поглупевший, простуженный,
Любит Вас только в грязном капотике,
Перед завтраком и перед ужином
И с улыбкой на сонном ротике.

Мой адрес:

Изюм, Харьковск(ой) губ(ернии)

Пушкинская 35,

Ирине Ивановне Шевцовой.

Напишете или нет? О если б кто-нибудь мог заранее сказать это, чтоб не мучилась я!.. Да или нет, да или нет, да или....

Я, принцесса Синеастра,
торжественную наконец,
Долгожданный, тщетнозванный,
прилетел ко мне гонец!
Мотылек золотокудрый мне
известие принес,
Что идет Царевна-Осень в волнах
огненных волос...
Солнце греет, солнце жарит...
Листья! Я не в силах ждать...

Распускаюсь... распускаюсь... и не вам
меня сдержать!..
О, настурции! сплетаться в диадемы вам пора,
О, готовься, хризантема, Астры
гордая сестра!
О, недаром душен вечер, а закат
кровавый ал,
Это встречный и прощальный
Синей Астры Карнавал.

ГБЛ. Ф. 386, 108.12. Л. 1–2. Здесь хранится 10 писем к Брюсову Ирины Ивановны Шевцовой (1904–?), написанных в период между 14 апреля и 12 сентября 1924 г.

¹ Цитата из стих. Брюсова “Терем” (1901 г.; I, 343). Шевцова могла прочесть это стихотворение в кн.: Избранные стихи русских поэтов. Период 3. Вып. 1. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1914.

32. БРЮСОВ – И.И. ШЕВЦОВОЙ

(Москва. Около 25 апреля 1924 г.)

Вот что, милая Ира... (хотя Вам и 20 лет, но, по письму Вашему, трудно Вас называть иначе!) Вот что: “стихоплетство” (Ваше слово) – вещь плохая, но жизнь – хорошая, всегда и везде. “Сходить с ума” не следует никогда. Доля того, что называют “безумием”, иногда полезна, но, в общем, куда лучше быть в здравом рассудке. Бальмонт где-то сказал: “Прекрасно быть безумным, ужасно – сумасшедшим”¹. Но, говоря “прекрасно”, он преувеличивал. У Вас пока нет жизни, – рынок и цветы; верю. Но у Вас есть книги, это – уже много. А “жизнь” придет, придет сама собой. И посмотрит-

те внимательно: наверное, настоящая жизнь есть и близко от Вас. Только помните [две вещи] два правила. Первое: не ищите сразу чего-нибудь чрезвычайного. Второе: необдуманно не принимайте малого за большое. [Если бы Вы знали латинский язык, я напомнил бы Вам стих Вергилия: "Incidit in Scillam, qui vult vitare Haribdae*."] В 20 лет можно ждать. Потому что 20 лет, сами по себе, вещь более чем хорошая. Мне – 50, что Вы, может быть, знаете. Когда мне было 20, я думал, что это – конец жизни. Теперь этого никак не думаю, но все же завидую Вашим 20 годам. Право, поменялся бы с Вами жизнью и согласился бы быть в Изюме на Донце! А если можно Вам завидовать, стало быть, не так уж плохо быть Ирой! В.Б.

О стихах Ваших? Чтоб писать хорошие стихи надо: 1) много учиться; 2) много жить (много не в значении "долго"). Мой адрес: 1-я Гражданская, 32, и это не совсем особняк и совсем не во дворе².

А Ваш учитель – Пушкин. Читайте Пушкина, пока не поймете; почему он величайший из русских поэтов.

ГБЛ. Ф. 386, 73.12. Л. 1–2.

Черновик ответа на п. 31, прибывшее в Москву (по почт. шт.) 18 апреля 1924 г. Датируется на основании того, что письмо Брюсова было получено адресатом 29 апреля 1924 г. (см. п. 33).

¹ Источник цитаты не установлен.

² На конверте первого письма Шевцовой был указан следующий адрес: Москва, 1-ая Мещанская, д. 32 (особняк во дворе).

33. И.И. ШЕВЦОВА – БРЮСОВУ

(г. Изюм.) 29 апреля (1924 г.)

Валерий Яковлевич!

Получила Ваше письмо и глазам своим не верю! Неужели это та самая бумага, которую несколько дней тому назад Вы держали в руках, Вы на нее смотрели? Какой Вы милый, какой чудесный, какой... слов не нахожу. Если б знали Вы, как досадовала я на себя за то глупое письмо, как хотела вернуть его, написать лучше, умней, но было уже поздно...

А потом досада как-то отошла на задний план, начались суетливые приготовления к празднику, и я думала: будь что будет. А сегодня как раз день моих именин, и Ваше письмо самый лучший, самый неожиданный подарок.

Мама знает всех моих корреспондентов и спросила – От кого? – Я ответила: "От Вали". Валя – моя подруга в Москве, которая и достала мне Ваш такой подробный адрес, я соврала не подумавши, а потом засмеялась, видя, что это немножко похоже на правду.

Так Вы говорите, что жизнь хороша и она придет... Но когда же? И как? Впрочем, я знаю, что жить хорошо, хорошо вечером гулять одной у реки или забираться далеко-далеко в лес... ведь тут так красиво, и дом наш, и сад, в котором вопреки всем возражениям домашних я устраиваю обязательно одну аллею из подсолнечника, они такие милые, когда зацветут! Я всегда по утрам целую их свежие, яркие лица и вспоминаю Бальмонтское "Будем как солнце". И на лодке хорошо кататься, и... писать стихи, хотя все, и Вы в том числе, беспощадны относительно их. Но, сказать по правде, мне это все равно, так как писанье доставляет одну лишнюю радость в жизни.

Да, так это все еще не жизнь, так в чем же она заключается? Надеюсь, что Вы мне не скажете, как твердят многие, что надо есть сладкое и влюбляться и в этом весь смысл и соль нашего существования? Первого я терпеть не могу, а второго еще не пробовала. У нас в доме вечно целая куча мальчишек, всех возрастов, но для меня они равно мальчишки, т.к. всех ненавижу, все скучны, неинтересны одинаково, и каждый глуп по-своему, а мне нравится только один человек в мире, которого я никогда не видала.

Вы, быть может, догадаетесь?

* Не минует Сциллы тот, кто хочет избежать Харибды (лат.).

Знаете, одну удивительную вещь, Вас я себе представляю не очень ясно, то так, то этак – смотря по настроению, но зато Вашу жену – очень ярко и определенно, хотя даже не знаю, женаты ли Вы... Она непременно высокая тонкая блондинка с нежными руками, очень светлые волосы закалывает греческим узлом, а зовут Анной. Вот. Странно, не правда ли?

Скоро к нам придут гости поздравлять мою милость с двадцатилетием, с новым несносным годом неведомой жизни, а мне не хочется отрываться от бумаги. Ведь если б я Вас увидела воочию, то, наверное, от смущения, застенчивости только мучительно-но краснела и не сказала бы и десятой доли того, что могу написать.

Да, кажется, с Вами и говорить-то нельзя как с простым смертным, по крайней мере я бы не могла... Валерий Яковлевич, ах Валерий Яковлевич, так это Вы мне написали!!!

И советуете читать Пушкина? Но я его знаю наизусть и часто повторяю про себя... К величайшему моему огорчению, у меня нет ни одной Вашей книги... Раньше-то были, но когда четыре года тому назад мы спешно уехали в Крым, то все тут осталось и погибло. В Изюме нет ни одного книжного магазина, хотя есть библиотека, но это не то. Хорошо, что у меня память хорошая, все, что понравится, навеки остается там.

Надо кончать. На прощанье скажу Вам, что Вы – прелестны, Вы лучше всех на свете!

И. Ш е в ц о в а

Изюм, Пушкинская, 35.

ГБЛ. Ф. 386, 108.12. Л. 3–4.
 Ответ на п. 32.

34. И.И. ШЕВЦОВА – БРЮСОВУ

(Изюм.) 18 мая 1924 г.

Валерий Яковлевич, я Вам еще не надоела? Ну не могу не писать, и только... Впрочем, Вы, наверное, не получили моего последнего письма¹, я дала его бросить в почт(овый) ящик мальчишке, от которого хотела отвязаться, а попутно подразнить немножко... ведь с таким соперником, как Вы, не стоит бороться! Что он не стащил письмо и не прочел, можно поручиться, но что вместо ящика не спустил куда-ниб(удь) в канаву – трудно. Да, Вы посмеялись бы от всей души, войдя в нашу жизнь, людишек маленького города: сколько глупостей творится и смешных, и милых, и красивых!

Теперь чудесные, лунные ночи, а какие соловьи!

Вчера мы их слушали на кладбище почти до рассвета... я думала о том, что сейчас Вы спите в большом, несносном городе, не видите, не слышите, не знаете, что где-то в глуши неведомая и глупая девчонка вспоминает Вас. А в самом деле, Валерий Яковлевич, Вы талант, гений, к Вашим словам прислушивается целый мир, какое же я право имею желать, чтоб хоть одна Ваша мысль принадлежала мне? Никакого. Но... я без права.

Пожалуйста, не смейтесь, я как-будто вижу Ваше насмешливое лицо... Я уверена, что Вы ужасный эгоист, только это понятно и простительно. Ужасно хотела бы знать, какая, собственно, Ваша жизнь... Моя – ситецвая. И ситец, знаете, бывает ничего себе, веселенький, с цветочками, а все-таки ситец... его надо мыть в соленой воде, чтоб не полинял, так я тоже иногда нарочно подбавляю в жизнь и соли, и перцу, и горчицы, дабы совсем не опротивело!

Вам не кажется каждую весну, что Вы снова родились на свет. Мне всегда. Ваше письмо я всюду таскала с собой, развертывала сто раз в день, раз упала с ним в ручей, но высушила, а теперь, видя, что брэнная бумага при последнем издыхании, не выдержит таких горячих проявлений чувств и того и гляди рассыплется в порошок, теперь письмо заперла в ящик.

Валерий Яковлевич, Вы милый, милый, милый! Я Вас ужасно люблю!..

Ваша Ира Ш е в ц о в а

Пушкинская, 35

* Пожалуйста, простите мне за карандаш и такую скверную бумагу. Пишу в учреждении, на телефонной станции, где служит моя сестра.

ГБЛ. Ф. 386, 108.12. Л. 5–6.

¹ Письмо Шевцовой от 29 апреля было получено Брюсовым, который отвечает на него в п. 35.

35. БРЮСОВ – И.И. ШЕВЦОВОЙ

(Москва. 20-е числа мая 1924 г.)

Милая Ира.

Если б Вы знали по-латыни, я напомнил бы Вам известное изречение: “*habent sua fata libelli*”, т.е. есть у книг своя судьба; и добавил бы: и у писем тоже. Сознаюсь, что вот уже лет 10, как я писем не пишу: только – необходимейшие или “по капризу”. Случилось, что на одно из бессчетных писем, все же получаемых мною, – Вам, – я ответил. И вот вижу, что буду отвечать и еще. Почему? Признаться ли в маленькой слабости, в странной психологической прихоти? Очень мне понравилось, как Вы ответили на вопросы, от кого Вы получили письмо (мое первое) – вот это больше всего.

Но вот что печальное я узнал из Вашего письма: что у Вас нет книг. Это совсем грустно. Будь Вы ближе, я помог бы этому делу. Но – Изюм! Ах, Изюм так далеко! Послал Вам одну свою маленькую книжку с подобающей надписью¹ (подобающей, ибо понял, что есть лица, вполне осведомленные в Вашей корреспонденции, тем более в получаемых книгах). Но, впрочем, я, может быть, преувеличиваю: Вы пишете, что у Вас нет *моих* книг, а я делаю заключение, что у Вас вообще нет книг. Это, конечно, неправда. Но, думается, в этом я уверен, если у Вас нет *моих* книг, тем более, вероятно, нет новых поэтов: напр., Б. Пастернака? Да? А это уж совсем грустно.

Но поговорим о более веселом. Вы рисуете портрет моей жены. И верно и не верно. Жену мою, правда, зовут Анной (вернее, Иоанной, ибо она – чешка). Но жена моя уже – старенькая (она только на 3 года моложе меня) и потому на Ваш портрет не похожа. Но есть [у меня] очень мне близкая женщина, которая на Ваш портрет очень похожа. Только ее зовут не Анна, а Айа³.

Вы спрашиваете, как я живу. Длинно было бы это описывать, и скучно, Вам и мне самому. Но вот несколько слов. Из 24 отпущенных на сутки (часов) я занят почти 20. У меня разные “службы” – в Главпрофобре, где я заведу высшими художественными школами Республики (Консерватория, Академия художеств etc.), в Гос. Ученом Совете, где я член литературной секции, в “моем” Институте, т.е. в литературно-художественном институте имени В.Я.Б., где я ректор; потом я читаю лекции в этом самом Институте, в Университете, я один из редакторов Большой Энциклопедии, изданий Гос. Издательства, я пишу в разных журналах (чаще всего в “Печати и революции”) разные статьи, я... Но не довольно ли перечислять? Видите, не скучаю. Вижу ежедневно сотни людей, писателей – на заседаниях, юношей – на лекциях, читаю ежедневно 2–3 часа (давняя привычка), пишу ежедневно статьи (тоже) и стихи и прозу. Последнее веселее, на это остается времени мало. Читаю корректуры своих новых книг или статей.

ГБЛ. Ф. 386, 73.12. Л. 3.

Черновик ответа на п. 32 и п. 33, одно из которых прибыло в Москву (по почт. шт. 2 мая 1924 г., а второе 22 мая. Датируется на основании того, что письмо Брюсова было получено адресатом 28 мая 1924 г.

¹ Вероятно, речь идет о книге: *Брюсов В.* Кругозор: Избранные стихи, 1893–1922. М.: Госиздат, 1922. Текст надписи Брюсова неизвестен.

² В отправленном тексте письма Брюсова, очевидно, были названы и другие имена новых поэтов (см. постскрипtum к п. 36).

³ Уменьшительное имя поэтессы Адалис (Аделины Ефимовны Ефрон). См. п. 19, прим. 7.

36. И.И. ШЕВЦОВА – БРЮСОВУ

(Изюм.) 1924 г. 28 мая.

Милый славный Валерий Яковлевич!

Получила письмо, а книгу еще нет¹, верно, завтра придет, Вы и не подозреваете, как я Вам благодарна! Это так неожиданно и чудесно... Но как Вы заняты, как заняты! И стыдно, и страшно, зачем я полезла к Вам со своими письмами, да ведь каждый человек немного эгоист, переписка с Вами стала великой радостью моей жизни, легко ли отказать теперь, когда Вы с такой добротой разрешили писать Вам и даже обещали изредка отвечать. Вы никуда не собираетесь на лето? У нас золотая пора. От белой акации голова кружится. За нашим садом овраг, а еще ниже темное-темное озеро с громадными вербами, там уже расцветают кувшинки, и я по вечерам, особенно если в доме гости, убегаю сюда слушать лягушачий концерт. Других в Изюме нет, ничего не поделаешь. Что касается Одессы, то мы были там в 21–22 году, т.е. позже Айи, и в театре я ни разу не была, слишком тяжелые времена переживали. Валерий Яковлевич, мне кажется, что Айя читала мои письма, ну что же поделаешь, я не имею права огорчаться... жаль только, что вам не сто лет, тогда, наверное, Вас никто бы не любил кроме меня!

В.Я., пишу Вам сегодня со специальной целью поведать свое горе. Уж хотите, – не хотите, а выслушайте. Дело в том, что за последний месяц я получила сразу 2 предложения. Одно от инженера-путейца, старого, пузатого холостяка с вечной трубкой в зубах, другое от моряка 28 лет, хорошего и милого человека.

Первому отказала сразу, а второму... вот тут и загвоздка. Я знаю, что моряк очень нравится папе и маме, что этот брак явится желанным, что я уже не маленькая, что женихов в Изюме нет, что мы уедем с ним за границу и проч., проч., проч.

Все это мне трещат подруги, все это правда, но... Я столько же люблю его, сколько фонарный столб или промелькнувшее облако. И кажется, что с замужеством уйдет из моей жизни всякая поэзия (это не про мои дурацкие стихи), а я ею только и живу! Разлетятся неясные мечтанья о чем-то светлом, и пойдет скучная, пошлая жизнь. Когда-то я не так себе все это представляла. Что Вы скажете? Я верю в Вас, как в Бога и как Богу. Сегодня моряк уехал в Киев, я под выдуманным предлогом попросила его подождать месяц до окончательного решения, а тогда... он придет за мной. Страшно! Как-то до 20 лет я отказывала своим претендентам беззаботно, со смехом, а сейчас не то. Пора вырасти наконец. Ночью мучительно думаю и встаю с синяками под глазами. Вам это странно и дико? О, напишите мне что-нибудь об этом поскорей, в немногих словах, буду ждать, ждать, ждать...

Это так важно!

Я пишу, а сестра Лялька, на 2 года моложе меня, слышу, хохочет на балконе – “Он только что уехал, а Иринка уж за письмо взялась”. Она воображает, что я моряку пишу!!!

Валерий Яковлевич, какие счастливые студенты, которых Вы учите! А если я когда-нибудь попаду в Москву, то увижу Вас? Скажите “да”. Должна увидеть. Живя там, я каждый день присылала бы Вам цветы от неизвестной. Тюльпаны.

Ваша И р а.

P.S. До сих пор я не считала себя отсталой в смысле литературы и с ужасом читаю имена, совершенно неизвестные мне, перечисленных Вами авторов. Вот что значит жить два года в медвежьем углу.

Изюм. Пушкинская, 35

И.

ГБЛ. Ф. 386. 108.12. Л. 9–10. Ответ на п. 34.

Переписка Брюсова с Шевцовой продолжалась. Шевцова прислала еще 6 писем, датированных 10 июня, 25 июня, 9 июля, 30 июля, 18 августа и 12 сентября 1924 г. Из этих ее писем можно узнать, что Брюсов писал Шевцовой в июне и июле, прислал ей свою фотографию, книги (в частности, “Основы стиховедения” и “Дали”), а также свои неопубликованные стихи. Выясняются и некоторые подробности из содержания его писем. Брюсов сообщил, например, что едет летом в Алупку, отметил, что с его стороны было легкомыслием отвечать на письма Шевцовой, обещал написать стихотворение о цветах подсолнуха, которые очень любила Ира, сравнивал ее с царевной Навзикаей из “Одиссеи”.

¹ См. п. 35, прим. 1.